

Олег Кулагин

Звезды займы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811531

Кулагин О. П. Звезды займы : фантастический роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63655-6

Аннотация

Прекрасна планета Меклан – столица Соединенных Планет!

Всюду безупречная чистота. Никаких техногенных примесей в атмосфере. Только зелень и вода. Такая красота дорого стоит, но Меклан вообще планета не дешевая для жизни. Если ты не смог найти здесь места – твои проблемы. В Галактике хватает и менее дорогих миров. Всегда можно выбрать что-нибудь по карману. Каждый год космические транспорты вывозят с Меклана миллионы неудачников. Но неудачники порой тоже бывают не лыком шиты, особенно если они уроженцы планеты с варварским названием Земля. Новейший звездолет класса Эн, подержанный флаер, три ящика «Особой космической», а там хоть трава на Меклане не расти...

Содержание

Пролог	4
На свободу с чистой совестью	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	50
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Кулагин

Звезды займы

*Слушая ветра вой,
Под парусом и на вёслах
Помнили мы о звёздах —
Тех, что ведут домой.
Песня минойских моряков, VI век до нашей эры*

Пролог

Солнце умирало, проваливаясь за горизонт. Жёлтые луны выглядывали из облаков равнодушными зрачками. И рождались в фиолетовом небе всё новые звёзды...

Господин Ту-Бас-старший, Член Тайного Совета, экс-протектор Соединённых Планет, любил смотреть на закаты.

Особенно хороши они здесь...

Гигантский диск резиденции висел над Мекланом, столицей Планет.

Потолок и пол в огромном Зале Совещений были прозрачные. С высоты трёх километров открывался великолепный вид.

Главный город — отсюда как на ладони.

Ту-Бас-старший помнил каждый изгиб этих улиц. Замысловатая феерия рвущихся к небу деловых центров и строгая архитектура похожих на геометрические фигуры государственных зданий. Рациональность линий монорельса и уют жилых кварталов.

Всюду безупречная чистота. Никаких техногенных примесей в атмосфере. Только зелень аллей и парков. И гордость столицы — блестящее, как жидкая платина, озеро в самом центре. Оно окружено настоящим лесом. Всё бережно хранится, тут каждая травинка на учёте. Вдоль канала, соединяющего озеро с океаном, часто можно встретить крупную и мелкую живность...

Такая нетронутость дорого стоит. Но Меклан — вообще планета недешёвая для обитания.

«И это прекрасно», — вздохнул Ту-Бас.

Кислород, чистая вода — ценные ресурсы. Их нельзя расходовать впустую. Если ты не смог найти места под солнцем — твои проблемы.

В Галактике хватает миров с загрязнённой почвой и атмосферой. Некоторые — вообще без атмосферы... Всегда можно выбрать что-нибудь по карману. Каждый год несколько транспортов вывозит пару миллионов неудачников.

Ту-Бас поморщился.

В этом году вывезли уже пять.

Экономику лихорадит. Временные лагеря переполнены. А кое-кого приходится отлавливать по горам и лесам.

И ведь не ценят, мерзавцы, заботу спонсоров. Крупнейшие банки оплачивают им билеты под смешные десять процентов годовых!

Ту-Бас закрыл глаза. Устало провёл по лицу ладонью.

Внутренние дела ждут разрешения. А тут ещё и внешние — осложнились...

Заиграла приятная мелодия.

Ту-Бас обернулся:

— Слушаю.

Вспыхнула голограмма связи – двухметровая фигура начальника личной охраны.

– Разрешите потревожить, Господин...

– Уже прибыли? – хмуро перебил Ту-Бас.

– Генерал Эм-Бах и командор Хал-Кис ждут внизу.

Экс-протектор смерил начальника охраны долгим взглядом. Исполнительный, умный. Физические показатели выше нормы на 200 % – гнёт стальные полосы пальцами и без ущерба выдерживает летальные дозы радиации.

Лишь одного этому здоровяку не дано.

Оценить красоту заката...

Генетической модификацией такого не предусмотрено.

– Через пять минут доставьте их ко мне, – сухо приказал Ту-Бас.

– Слушаюсь, Господин.

Фигура охранника растворилась.

Ту-Бас пригладил ёжик коротких седоватых волос. Генофобией он никогда не страдал. Но модификанты его последнее время раздражают. Даже начальник собственной охраны.

Разумеется, они – ущербные. Когда требуется усилить какой-то показатель, остальное приносится в жертву. Эмоции – в первую очередь...

Ту-Бас посмотрел на город внизу. Что толку в математическом интеллекте, если не понимаешь, чем живёт этот людской муравейник?

Только иногда казалось – он завидует модификантам. Особенно, когда рядом был протектор Соединённых Планет.

Ту-Бас повернул голову и сморщился, как от зубной боли.

Опять...

Новый правитель девяносто пяти миров сидел в кресле. Таращился на бронестекло. И ковырял в носу.

О боги!

Ту-Бас-старший резко шагнул к креслу и отвесил Ту-Басу-младшему звонкую оплеуху. Тот дёрнулся, вжимая голову в плечи. Моргнул непонимающе. И торопливо пробубнил:

– Высокая миссия защиты демократии невозможна без контроля над зонами жизненных интересов... по всей Галактике!

Старший скривился.

Полдня ушло на то, чтобы младший выучил эту фразу.

– Не сейчас! – буркнул экс-протектор. – Потом, когда придут журналисты... Сиди тихо. И больше не ковыряй в носу!

Вспыхнула голограмма у входа. Ту-Бас-старший кивнул. Настроенные на его мимику сенсоры уловили знак. Входная панель отползла с мягким шелестом.

Две фигуры, затянутые в парадные мундиры, шагнули внутрь и вытянулись по стойке смирно.

Ту-Бас дружески махнул рукой – к чему этот официоз:

– Здравствуйте. Давайте сразу к делу...

Экс-протектор молча выслушал доклад генерала. Собственно, ему и так всё было известно. Пару раз докладчик сбивался, но Ту-Бас терпеливо ждал, когда тот восстановит ход мыслей.

Лишь один раз уточнил:

– Вы уверены, что теперь, после возвращения наследницы, Империя не изменит свою политику?

Плотный генерал, с розовым после недавнего омоложения лицом, опять сбился. Он отчаянно пытался уловить настроение Ту-Баса. У него не выходило. Худая и неподвижная физиономия экс-протектора была похожа на маску.

– ...Я думаю, что Империя – пока не является угрозой. Она слишком слаба для реальных действий, – пробормотал генерал. И комкая фразы, торопливо закончил.

Воцарилась тишина.

Такая абсолютная, что, казалось, можно различить удары сердца командора Хал-Киса. Весь доклад тот провёл изваянием, застывшим по стойке смирно. Лишь капелька пота на виске выдавала его чувства.

Экс-протектор слегка нахмурил брови:

– Командор, вы отвечали за эту операцию?

Щуплый офицер побледнел, разлепляя пересохшие губы. И генерал успел сказать первым:

– Он был ответственным!

В интонации старшего по званию сквозило облегчение. Хорошо, когда есть конкретный виновник.

– С самого начала командор проявлял непростительный авантюризм! Из-за этого...

– Я уже выслушал вас, генерал, – сухо перебил Ту-Бас. И смерил его таким взглядом, что розовое лицо Эм-Баха взялось пунцовыми пятнами. – Если вы не доверяли командору, почему не отстранили его от операции?

– Простите, Господин. Я думал...

– Вы меня разочаровали!

Эм-Бах вздрогнул. Попятился, холодея.

Ту-Бас-старший качнул головой. Его пронзительные зрачки вперились в перекошенную от страха физиономию генерала.

Экс-протектор вытянул перед собой руку, его тонкие пальцы сомкнулись, будто хватая воздух...

И генерал захрипел, багровея. Рванул воротник мундира.

Осел на пол.

Судорожно дернулся. Застыл.

Ту-Бас-старший отвернулся. Очень тихо сказал:

– Как досадно. Трое дикарей из богами забытого мира нарушили наши планы. Надеюсь, такого не повторится... Да, *генерал* Хал-Кис?

– Так точно! – вытянулся белый как мел офицер.

– Я вам верю.

А Ту-Бас-младший, запинаясь, пробубнил:

– Высокая миссия защиты демократии невозможна! Без контроля над зонами жизненных интересов!

– Совершенно верно, Господин Протектор, – кивнул старший. Задумчиво глянул на город внизу:

– Хал-Кис, как называется та дикарская планета?

– Как-кая планета?

– Та, откуда явилась банда варваров.

– Земля! – чётко отрапортовал офицер.

– Земля, – повторил Ту-Бас. И тень усмешки пробежала по его худому лицу. – Уладьте этот вопрос, генерал...

В фиолетовом небе рождались звёзды.

Протектор девяносто пяти миров машинально потянулся пальцем к носу. И тут же испуганно отдернул руку.

На свободу с чистой совестью

Глава 1

Хорошо сидеть в летней кафешке на углу Тракторостроителей и 50-летия ВЛКСМ.
Утро. Зелень.

Хриплый шансон из динамиков. Ароматы цветущих лип.

Девушки в мини-юбках торопятся вдоль улицы... Нам можно не спешить. Куда эти от нас денутся?

Такие замечательные ребята на дороге не валяются!

Раскинувшись на треснутых пластиковых стульчиках, они потягивают из бокалов ледяное дешёвое пиво. Заедают сушёными кальмарами. Рассказывают друг другу бородатые анекдоты.

А потом поднимаются – вальяжно, неторопливо. И садятся в самый замечательный транспорт на свете – слегка проржавелую и облезлую «жигуль»-«копейку».

Васька жмёт на газ...

О, чёрт!

Откуда-то из дворика наперерез выносится флаер – что-то вроде летающей тарелки, только поменьше.

– Вот урод! – Васька рвёт руль на себя, и «копейка» взмывает в воздух.

Мы проносимся над идиотской инопланетной «колымагой», едва не задев её колёсами. Лубенчиков высовывается в окно и орёт:

– Придурок! За сколько купил права?!

ТЬФУ...

Я открываю глаза.

Кругом темнота.

Сажусь на постели. Ошалело оглядываюсь по сторонам.

Слава богу, приснилось...

Ну, да. Ведь это родная, малогабаритная «хрущёвка»?

Сонно моргаю. Кутаясь в одеяло, подхожу к балконной двери. На ощупь распахиваю её и цепенею.

Там, снаружи – вытканная огнями огромная надпись в полнеба:

«Партия доминионов – улучшение вашей жизни уже сегодня!»

Надпись – не по-русски. На чистом галактическом языке.

Я вздрагиваю. Глотаю подкативший к горлу комок.

– Эй, – доносится сзади уже на родном, – дверь прикрой.

– Сейчас...

– Тут, между прочим, люди, а не пингины. Хотя на счёт тебя я не уверен.

– Сам ты пингвин... – бормочу вполголоса.

– Не-а, я – примат, – Васька Лубенчиков зевает. – Люблю, когда тепло, светло и... девушки... А ещё хочу в Крым.

– Хотеть не вредно, – сердито комментирует Дима Капустин.

Я молчу, прижавшись лбом к стеклу. Где-то над крышами высоток, жёлтыми светляками проносятся огоньки флаеров. В столице Галактической Империи далеко за полночь.

А сколько сейчас на Земле, в родном городе?

Идиотский, неактуальный вопрос. Ведь до Земли – тысячи световых лет...

Я закрываю глаза.

В памяти с неумолимой ясностью опять проступают события последних месяцев, иногда похожие на цветные сны, иногда – на кошмары... Удивительные и всё-таки абсолютно реальные – до последнего пятнышка на жуткой образине метаморфа...

Окутанная огнями летающая тарелка – над заброшенным строительным котлованом, посреди зарослей крапивы. И воркующий голосок *оттуда*: «Итак, вы готовы заключить сделку?»

А кто бы не согласился? Кто бы не клюнул на удочку?

«Новейший звездолёт класса Эн» – это вам не поношенный «жигуль». Если прямо в руки идёт инопланетное чудо, если лишь тебе на целой планете выпадает уникальный шанс...

ТЬфу!

Настолько уникальный, что странно, как мы вообще до сих пор живы.

Земля – по здешним понятиям, оторванный от цивилизации, жалкий мирок где-то на дальнем конце Галактики. А земляне – варвары, понятия не имеющие о тысячах обитаемых миров. И всё же до чего уютной и безопасной кажется наша захолустная планета, надёжно укрытая от такой «цивилизации».

Кто сказал, первобытность – это плохо?

Сидели б сейчас, как настоящие первобытные варвары, где-то на улице Тракторостроителей, пили бы «Клинское» и горя не ведали! Пусть бы кто-то другой спасал Вселенную, ввязываясь в смертельно-увлекательные разборки...

А с нас – хватит.

У нас этот героизм – уже в печёнках. Давно пора в родное захолустье! Прямоком через Тёмную зону нестабильных гипертечений, куда ещё не скоро найдут дорогу инопланетные эскадры...

Я зевнул и снова полез под одеяло.

Как отметил кто-то из классиков (может, Лев Толстой, а может, Чак Норрис?): «В каждой башке свои тараканы».

И классики не врут.

Давно известно, у всякого разумного индивида – свои заморочки.

Вот, например, какой-нибудь ксенобиолог всё бы отдал, чтоб оказаться в ином мире, среди существ, неотличимых от землян. Так бы и лазил он дни напролёт, восхищаясь. Собирали анализы, строил гипотезы и догадки.

А мы... Мы – люди целеустремлённые. И, не размениваясь на теории, сразу сделали практические выводы.

Вот уже почти месяц мы ставили уникальный эксперимент: «Адаптация человеческого организма к инопланетным спиртосодержащим жидкостям».

Делали мы это так старательно, что остальное – вся наша бурная эпопея «Земля – Киагра» – как-то потускнело и съёжилось в памяти.

Эх...

Молодые организмы ещё справлялись.

Но что-то пора уже было менять.

– ...Никогда не спасайте имперских принцесс – муторное и неблагодарное дело!

Сказано это было в сердцах и после третьей кружки «кометы».

Хотя резон в Васькиных словах имелся.

Было часов одиннадцать утра. Мы сидели в дешёвой забегаловке на окраине Киагры, на планете с одноимённым названием, и хмуро обдумывали своё житьё.

Обдумывать всухую было трудно.

«Комета» опять запенилась, разливаясь по кружкам.

Мы хлебнули, не чокаясь. Васька громко матернулся по-русски – просто так, от избытка чувств. Один хрен, никто не поймёт. Мы – трое чужаков в чужом мире, за тысячи световых лет от Земли...

Будто в ответ на матерщину, где-то над городом заиграла бравурная музыка, и донёлся вкрадчивый тенорок:

– *Голосуй или проиграешь!*

Лубенчиков скривился:

– Голосуй, не голосуй – все равно получишь...

– ...*Свободу и процветание для Киагры!* – донеслось сверху.

– Тьфу! – Васька в сердцах швырнул пустую кружку. Жаль, она не бьётся. – Идиотизм!

– Нет, это политика, – вздохнул Дима.

– Не спорьте, – вмешался я, – без идиотов точно не обойдёшься. Можно сказать, они – краеугольный камень демократии.

– Да, – хмуро согласился Васька, – только на нас всё и держится!

«Комету» заполировали «Звёздной столичной» и «Особой имперской» – той, что «с добавлением антивещества».

Реакция прошла успешно. В мозгах образовалась желанная лёгкость и пустота. В ногах – чугунная тяжесть.

Нет, мы – не алкоголики.

Мы – долбаные герои! Спасли наследницу и разоблачили заговор регентов...¹ А спасённое Высочество едва оклемалось – объявило досрочные выборы. И теперь эти самые регенты – нет, не в тюрьме! Они – лидеры двух крупнейших партий. Скоро даже в общественных туалетах будут красоваться их плакаты: у рукомойников – «Эти руки ничего не крали!», над унитазами – «Сделали раньше, сделаем и сейчас!».

Политика, мать её...

О ней противно думать на трезвую голову.

Мы выбрались из кафе.

Поднялись лифтом десятью этажами выше. Вскрыли бластерами дверь на крышу. Подошли к торцевой стороне – туда, где огромным стереополотнищем красовалась холёная физиономия рыжего регента.

Иногда неожиданно для себя мы оказываемся способны на гражданские поступки.

Втроём мы вскарабкались на бортик и справили вниз малую нужду – в аккурат на макушку регента.

Из окна соседнего дома кто-то заплодировал.

С чувством исполненного долга мы спустились вниз в вестибюль.

Там нас и повязали.

– Ну, и чего вы добились? – хмуро уточнил Тэй-Гор, сенатор и бывший глава партии легитимистов. Он только что вызволил нас из полицейского участка, и теперь мы уютно разместились в его персональном флаере.

– Хотя бы честно высказали своё мнение, – пробурчал Васька. – А вот вы...

¹ Подробнее эта история рассказана в книге «Звёзды в кармане».

– Что?

– Ничего! – Лубенчиков сердито отвернулся к окну. Собственно, он пытался озвучить наши общие мысли. И вместо него отозвался я:

– Как ваш рейтинг, Тэй-Гор-сим? Договорились, с кем из регентов войдёте в коалицию? Вам уже предложили пост министра ассенизации? А может – сразу главы комиссии по скотоводству?

Я ожидал, что он взорвётся бранью – всё-таки бывший генерал. Или попробует выкинуть меня из флаера, не сбрасывая скорости и не снижая высоты. А мне плевать! Давно хотел сказать ему правду!

Тэй-Гор мягко улыбнулся:

– Пить надо меньше, ребята. И заняться чем-нибудь полезным...

– Угу, – кивнул Васька, – наймёмся расклеивать листовки в партию легализации порнографии. Яркие такие, цветные...

Тэй-Гор смерил нас внимательным взглядом и вздохнул.

Наверное, со стороны это выглядело забавно. Щуплый, покрытый седой шерстью хоббит, представитель второй по численности расы галактики, в котором росту от силы метр сорок, пытается вразумить троих здоровенных, подвыпивших верзил. То есть для «голокожих» мы – не шибко крупные, но по сравнению с ним...

Я отвернулся.

А, собственно, какое ему до нас дело? Мы свою миссию выполнили. Рейтинг легитимистов вырос до 20 %. Вот главный итог авантюрных хитросплетений. Всё остальное – лирика.

Лирика и болтовня...

За прозрачным колпаком кабины проплывала имперская столица – великий, удивительный, но, в сущности, обыкновенный город. Отсюда он казался праздничным – закатные блики ложились на архитектурную фантазмагорию из стекла и камня, вспыхивали шары искусственных солнц над деловыми кварталами...

Грязные улочки окраины, почернелые трущобы уходили в тень. Где-то там, в переполненных вагонах монорельса, спешила домой человеческая толпа. И каждый нёс внутри одиночество...

Я поёжился.

А всё-таки им легче.

Они-то хоть на своей планете.

– Тэй-Гор... отпусти нас домой.

– Лё-ха, ты не хочешь дожждаться Илги?

Я не ответил. Молча следил взглядом за уходившим от северного космодрома пассажирским лайнером – крохотная серебристая пирамидка поднималась в зенит, к звёздам...

Илга улетела на таком же?

Нет. Вероятнее всего – нуль-портация. Вспышка света, несколько эйфорических мгновений, и сотен световых лет – как не бывало...

Я мог бы её дожждаться...

Только зачем?

Что хорошего у нас там, впереди?

Она жизнь готова отдать за этот мир. Но это её мир.

Не мой.

Уехала на очередную тайную миссию и даже не попрощалась. Прислала минутную видеоткрытку...

– Приехали, – сухо озвучил Тэй-Гор. Флаер завис над крышей высоты.

Мы выбрались наружу.

Сенатор окинул нас посуровевшим взглядом:

– Ещё раз вляпаетесь – выручать не буду.

– И не надо, – буркнул Васька, – мы люди скромные. И тихие...

– А кто написал «мудаки» на плакате «Единства Киагры»?

– У меня с детства способности к каллиграфии. Вот и тренируюсь. А плакат случайно под руку подвернулся.

– И остальные сорок шесть – тоже случайно?

– Во-первых, тут какое-то недоразумение... Максимум – сорок два! А во-вторых... нас же не поймали.

– А кто дрался с агитаторами? Кто кричал на улице, что сенат – сборище дармоедов? Кто обещал отправить их на отдых... как называется та курортная планета?

– Колыма, – мягко уточнил Димыч.

– Вы неисправимы, – вздохнул Тэй-Гор.

Я пожал плечами:

– Верните наш корабль. И отпустите нас домой.

Он поморщился:

– Я объяснял. На Вольдэ работает следственная комиссия. До её завершения...

– Вы ведь сами знаете – это отговорка. Реального следствия нет и не будет.

Тэй-Гор нахмурил седые брови:

– Не вам меня учить! – Отвернулся и глухо добавил: – Дом не строится за час. Дерево не вырастает за день. Потерпите, ребята... Всё идёт, как надо.

– А можно... мы на Земле будем терпеть? – встрял Васька.

– Да поймите вы... Только здесь, только на этой планете я могу гарантировать вашу безопасность!

– Не надо её гарантировать. Как-нибудь обойдёмся, – хмуро ответил я.

Тэй-Гор поднял на меня жёсткий взгляд:

– Это не вам решать. – Уже закрывая дверцу, добавил: – Можете съездить за город. Развеемся, отдохнуть... И никакой политики!

Флаер взмыл, резко набирая скорость.

Мы проводили его взглядом.

Там, под вечерними облаками, вспыхнула огромная надпись:

«Партия «Единство Киагры» – наш выбор!»

– Угу, – кивнул Димыч. – Ваш... мать вашу!

Мы опять спустились в свои «апартаменты» – пятикомнатную квартирку в стандартном высотном доме. Когда-то, во времена расцвета Империи, эти здания «пекли», как блины, – собирали из готовых блоков, будто игрушечные дома в детском конструкторе. Антигравные подъёмники здорово упрощают строительство.

Большую часть окраин Киагры именно так возводили – дешёвые спальные районы, аналог наших панельных многоэтажек. Это в центре более дорогие и надёжные технологии: когда площадки ограждают силовыми полями, изменяют гравитацию, и дома сами вырастают из нанозёрен, причудливые и живые, как настоящие деревья в садах...

А здесь...

Здесь – облупившиеся фасады, неработающие лифты и хмурые физиономии жителей. Депрессивный район.

Московское Коньково, харьковская Бавария, питерские окраины... Но за тысячу световых лет от Земли, в сорокамиллионном городе, по улицам которого носятся гравикары, а в небе проносятся флаеры... Конечно, тут они называются иначе. Тут даже нетрезвые граж-

дане матерятся на галактическом языке, понятном для большинства разумных существ в этом секторе Млечного Пути.

Но главного это не меняет.

Васька устало свалился на диван. Димыч остановился у окна, задумчиво озирая окрестности.

- Что нового? – пробормотал я, падая в кресло.
- В кафе «Ручеёк» выбили стёкла.
- Событие... Третий раз на неделе.
- Ага. По-моему, там уже пьют за это.
- Какая интересная у людей жизнь, – вяло обрадовался Лубенчиков.

Ещё месяц назад мы обитали в ином, можно сказать, элитном районе. Каждый – в отдельной квартире, выделенной службой охраны Императрицы. Что и говорить – весьма комфортабельные апартаменты, снабжённые чудесами техники и сантехники. А главное – всеми возможными видами «прослушки» и «записи»...

«Для вашей же безопасности!» – втолковывал Тэй-Гор.

Я терпел. Пока Илга была со мной.

А потом...

В общем, Васька тоже временно остался без спутницы. А Димыч и до этого старался поменьше светиться в «безопасной» квартире.

Наше терпение лопнуло. Кой-какие деньги у нас водились – радушные «хозяева» выделяли на карманные расходы.

Пришлось подкопить. Хватило в аккурат на обшарпанную, зато просторную квартирку у северной окраины. Жить втроем веселее. Было место и для приходящих подруг – в основном Васькиных. Димыч предпочитал осваивать новые территории, хотя все равно регулярно участвовал в посиделках за накрытым древним столом.

Здесь мы меньше чувствовали себя чужаками.

А наш хороший знакомый Йотем Патт снабдил это обиталище кое-чем полезным.

- Квартирка-квартирка... гости были? – зевнул я.
- Двое, – откуда-то с потолка отозвался приятный женский голос.
- Да-а?... – без особого удивления протянул Васька. – И что оставили?
- Пару нейтринных передатчиков под плинтусом, камеру в люстре...
- Скучные люди, – вздохнул Дима. – Абсолютно без фантазии.
- Зато целеустремлённые... Ты справилась? – уточнил я.
- Аппаратура нейтрализована, – подтвердил голос.

Такое впечатление, что умельцы из Имперской Безопасности оттачивают на нас своё мастерство. Пока старик Йотем оказывается умнее.

Можно расслабиться. Хотя бы тут, внутри, мы защищены от чужих глаз и ушей. Наши оконные стеклопакеты не вибрируют, так что лазер не уловит звуковые колебания. А если приоткроем форточку, впуская свежий воздух, и внутрь залетит какая-нибудь шпионская мелочь, «защитница» квартиры сама её нейтрализует.

Тьфу. Столько ухищрений, чтобы просто поговорить. Раньше-то мы не стеснялись шпарить по-русски. Пока не сообразили, что лингвисты из Безопасности вовсю пытаются овладеть «великим и могучим»...

- Задолбало, – Васька страдальчески зевнул.
- Что?
- Всё. Пора сваливать. В конце концов, пить можно и дома!

– Удивительно трезвая мысль, – пробурчал Дима. – Только как сваливать? Корабля-то нет.

– Купим новый!

– Нет денег, – поморщился я.

– Деньги – мусор, – авторитетно объявил Лубенчиков. – Если не заморачиваться, они сами к тебе липнут! Вот я торговал как-то пылесосами...

– Очнись, – перебил его сердито, – здесь тебе не Земля! Здесь нет пылесосов. И, кстати, китайские шлепанцы – тоже не в ходу!

Васька скривился – воспоминание не из приятных. Даже у финансовых гениев бывают просчёты. У Сороса – обвал на Нью-Йоркской бирже. У Лубенчикова – китайские шлепанцы...

– Не надо цепляться к частностям. Надо мыслить глобально! Если у граждан водятся денежные знаки – надо помочь им работать на благо экономики! Так действуют все эффективные менеджеры. Взять, к примеру, Сеню Щербатого с Благбаза...

– Плохой пример, – вздохнул Капустин, – у Сени была бригада – почти пятьдесят человек. А у нас даже бластеры конфисковали.

Лубенчиков рассерженно засопел. Его творческий ум бился в тисках реальности. Бился и не находил выхода.

Дима Капустин потёр высокий лоб, глядя куда-то за окно, на искры первых звёзд. «Тоскует о доме?» – подумал я. Том настоящем доме, который за тысячи световых лет – под родными созвездиями. Даже холодный и трезвый ум проникся ностальгией... О чём думает? Вспоминает родной Люботин, яблонево́й сад?

– Говорят, контрабанда – выгодный бизнес... – кашлянул Капустин.

Васька почесал затылок:

– Да, перспективный.

Тьфу.

Я сердито насупился. Менеджеры хреновы...

Главного спеца по контрабанде с нами не было. Уже почти месяц.

Небритая физиономия друга затерялась где-то в космических просторах. Бинк Таах-Шиаррс, Гроза Бербатийской таможни – но для нас просто Бинк...

Где он теперь? Кто знает...

Быть разменной фигурой в комбинациях политиков – угу, держите карман шире! Когда стал ясен итог наших героических походов, хоббит исчез. Однажды будто растворился на улицах Киагры. Никакие спецы из Безопасности так и не смогли его обнаружить.

Это ведь его мир. Для него открыты способы и ходы, о которых мы даже не догадываемся.

– Проверим почту? – вздохнул я. Без особой надежды.

– Давай, – пожал плечами Васька.

Разумеется, когда мы выбирали квартиру – не забыли про терминал. Зачем же селиться в полной трущобе?...

Я придвинул кресло к стене и откинул столик. Провёл пальцами. На гладкой поверхности вспыхнула виртуальная клавиатура. Стена превратилась в экран.

Здесь, на Киагре, глобальная сеть соединяет не только города, но и миры. До фига возможностей для общения, если не желаешь засветиться в «реале».

Последний раз мы проверяли почту дня три назад. Без толку.

За этот месяц Бинк лишь раз выходил на связь. Сообщил, что у него всё нормально. И никаких подробностей.

Так что неизвестно – в столице он до сих пор или уже давно пронзает гиперпространство...

– Вам новое письмо! – ласково поведал комп.

Васькины пальцы судорожно вцепились в моё кресло. Конечно, я и сам увидел обратный адрес – адрес анонимного почтового ящика.

Тихо скомандовал:

– Открыть!

Глава 2

Болезнь всех мегаполисов – транспортные проблемы. Вечно набитые вагоны моно-рельса, толпы на движущихся тротуарах и остановках подземки. Но если в кармане имеется пара сотен галактических кредов, жизнь существенно облегчается.

Сейчас мы неслись над столицей во взятом напрокат флаере. Удобно и быстро, тем более что машину вёл автопилот. Такой здесь закон – в городской черте движение слишком напряжённое, чтобы доверять медленным человеческим мозгам. Пассажирам остаётся только задать маршрут...

Васька смотрел вниз с блаженной ухмылкой – он включил прозрачность боковой панели. Утренняя Киагра выглядела симпатичнее.

Только расслабляться было рано.

Мелодичная трель заполнила салон. А на экранчике высветилась физиономия Тэй-Гора.

Конечно. Кто бы сомневался, что он узнает номер.

– Здравствуйте. Далеко собрались?

Я усмехнулся:

– Сами же предлагали отдохнуть на природе.

– Это дело, – добродушно сощурился сенатор. И окинул всех троих внимательным взглядом. – Только на спиртное не налегайте.

– Обижаете, – у Васьки глаза невинного младенца.

– Алкоголь – яд, – авторитетно подтвердил Дима.

– Серьёзно? – удивился Тэй-Гор. – А вы здорово продвинулись в познании мира!

– Самоуглубляемся, – кивнул я.

Его зрачки сфокусировались на мне – цепкие, пронзительные. И тихий голос добавил:

– Илга передала тебе привет.

– А что ж она сама?...

– Должен понимать. Иначе нельзя.

Ну, конечно. Я вяло буркнул:

– Понимаю...

Опять дело государственной важности. Чтоб им пусто было!

– Вернётесь – ещё потолкуем, – сказал Тэй-Гор. – До связи! – экранчик погас.

Какое-то время мы сидели без звука. Потом Дима сухо пробормотал:

– Он знает, чем тебя держать на крючке...

– Заткнись, – невежливо отозвался я.

Разумеется, во флаере полно «ушей». Имперская Безопасность не собирается расставаться с нами даже на минуту. Но злился я не из-за этого. А оттого, что Капустин прав.

Я и сам это понимаю.

Могу сколько угодно уговаривать себя. Твердить о том, что нынче в Галактике времена не для слабых... «Миротворческие станции» курсируют между звёздами и выжигают дотла целые планеты. Координаты Земли им пока неизвестны. Но надолго ли хватит такого везения? У отсталого мирка, едва осваивающего околоземную орбиту, – нет шансов. И единственная надежда – ослабевшая, но ещё не рухнувшая Галактическая Империя. Пока она держится – наш сектор Млечного Пути не будет чей-то собственностью...

Да, это правда. Но не вся.

Тем, кто во главе Империи, чхать на Землю. Так же, как и на всё остальное, кроме их личных миллиардов. А их они любят хранить в мекланских банках.

Императрица мало что сможет...

А я... Я больше никому не верю. И единственная нить, связывающая душу с чужим небом Киагры, растворилась где-то в космической дали...

Илга...

Они знают, чем держать меня на крючке.

– Надо купить продуктов, – напомнил Васька.

Остановились в супермаркете. Взяли еду. А Лубенчиков затарился тремя ящиками *«Особой космической»*.

Глаза у меня округлились, но он шёпотом объяснил:

– Для достоверности! А то не поверят, что на пикник едем!

Погрузились во флаер.

Двинулись прежним маршрутом. Димыч пересчитал остатки сбережений.

Сто семьдесят шесть кредитов. Хватит только на единственный билет до ближайшей звезды. Но нам без разницы. Все равно нас ни в один лайнер не пустят.

– Эх! – восторгнулся Васька. – Бензопилу забыли!

Я скривился.

А Лубенчиков безмятежно моргнул. Иногда трудно понять – всерьёз он говорит или издевается.

– Ни хрена вы не понимаете – в хозяйстве нужная вещь. Чем прикажете заготавливать ветки для шашлыка – плазменными резаками?

– Бензопилы тут в антикварных лавках продаются, – флегматично ответил Дима. – И стоят сумасшедших денег. Мы столько не зарабатываем.

– Жаль, – искренне огорчился Васька, – тогда хотя бы девочек пригласить...

– А мальчиков не желаешь... из Имперской Безопасности?

– Этих звать не надо, – вздохнул Лубенчиков, – эти сами придут.

Откупорил бутылку «кометы» и поднял её, адресуясь к «видеоглазкам» и микрофонам:

– Ваше здоровье, господа!

В сущности, что для нас Киагра?

Огромная, комфортабельная тюрьма. Только без стен. Зачем они, зачем решётки – если тюремщикам и так известен каждый наш шаг?

Им легко оставаться вежливыми. Не требуется ограничивать нашу свободу. Куда мы отсюда денемся?

Даже последний киберполицейский точно знает нас в лицо и действует строго по инструкциям. Разумеется, вчера они нас повязали. Но при этом – практически не помяли. Хотя Лубенчиков успел натрудить кулаки об их розовые физиономии.

Да, нас нельзя травмировать. Максимум, что можно – посадить на десять суток за хулиганство.

Мы – гости Императрицы...

Гости или узники?

Флаер покинул пределы столицы и доложил об этом приятным мужским баритоном.

Внизу расстился зелёный ковер леса.

Киагра – довольно гостеприимная планета. А последние лет двести её поверхность старались освободить от промышленных предприятий и сельхозугодий. Восстановленную биосферу пересекают лишь автомагистрали и кое-где – линии монорельса на тридцатиметровой высоте.

В пределах сотен километров от столицы тянется городская зона отдыха. То и дело у озёр и рек возвышаются аккуратные корпуса туристических баз.

Симпатично. Уютно...

Одно из таких мест и указано в памяти автопилота. На главном экране высвечивается карта и зеленая линия маршрута. До санатория «Голубые дали» – ещё минут десять полёта.

– Ну и название, – буркнул Васька. – А нельзя было выбрать чего приличнее?

– Какие-то странные у тебя ассоциации, – вздохнул Дима.

– Обыкновенные. Просто я люблю более тёплые оттенки. Более натуральные...

– Ничего, – успокоил я, – тебе понравится.

– Главное, чтоб люди были хорошие! – поддержал Дима и выключил автопилот. Тут уже работало ручное управление.

– Полёт нормальный, – сообщил Капустин. Этой фразы я и ждал.

Рука в кармане сдвинула предохранитель на плоской коробочке.

Палец нажал кнопку.

Местная электроника действует на слегка иных принципах. Собственно, это не «электроника» в земном смысле. Хотя есть и общее.

Нас здорово тряхнуло. Дима крепко вцепился в штурвал, выравнивая флаер. Сухо доложил:

– Бортовой комп вырубился.

Энергетический импульс вывел его из строя. На время или навсегда – нам без разницы.

Главное, вырубилась вся аппаратура слежения. Когда-то Йотем трудился на местную Безопасность и отлично знает рабочий диапазон нейтринных резонаторов. Да и вообще у него золотые руки. Втиснул целый генератор в такой махонький корпус.

Жаль, использовать его можно только один раз. Я повертел коробочку в руках и швырнул за окно – туда, где проплывал зелёный ковёр леса.

Меня курс, Дима резко вывернул штурвал.

Чёрт! Слишком резко!

Флаер накренило. Посыпались бутылки из опрокинутых ящиков – хорошо, что они не бьются. А вот Васька крепко приложился лбом о стекло. Воздух в салоне зазвенел от отборного русского мата.

Гравикомпенсаторы, к которым мы привыкли на Киагре, оказывается, не работают без компа! А пристегнуться мы не догадались...

Ещё один рывок.

Штурвал выскальзывает из пальцев Димыча.

Флаер описывает в воздухе немыслимый пируэт. И опрокидывается.

Мать вашу!

Земля и небо пару раз меняются местами. При этом нас колотит о потолок и окна. Хорошо, что они крепкие. Плохо, что земля становится дыбом, превращается в вертикальную стену...

Отчаянным броском Васька дотягивается до штурвала. Тянет на себя изо всех сил. Верхушки деревьев мелькают рядом. Что-то хрустит в панели управления...

Есть! Прямо по курсу – опять облака!

Выровнялись!

Хотя земля теперь – у нас над головой. Летим вверх тормашками.

– «Жигулями» управлять легче, – бормочет Васька. И утирает крупные капли пота.

Кое-как придаём флаеру нормальное положение.

– Куда теперь? – хмуро спрашивает Лубенчиков.

Экраны матово темнеют. Навигация не работает. И нет ориентиров.

Давным-давно под нами должна была возникнуть речная гладь. Но внизу – лишь однообразное покрывало леса.

Кажется, мы сбились с курса.

– Солнце там... – пробормотал я, – значит, север-восток туда!

Мы держимся почти у верхушек, чтобы нас трудно было засечь грависканерами и радарами. Встроенный маячок вырубился. Главная угроза – оптика спутников. Надеюсь, что облака нам помогут.

– Там! – машет рукой Дима, – что-то блестит!

Васька выворачивает штурвал – медленно и осторожно. У него почти выходит. Бутылки летают по салону, но это пустяки. Мы трое надёжно пристегнуты.

Сбрасываем высоту. И, срезав пару древесных верхушек, оказываемся-таки над рекой.

Уф-ф... Долгожданная зеркальная лента проплывает внизу.

– Теперь – как по проспекту! – радостно щурится Лубенчиков.

– Ага, – хмуро кивает Дима.

Блин, отсюда все изгибы реки кажутся одинаковыми...

Всматриваемся до рези в глазах.

Васька сбрасывает скорость. Уже едва ползём над водой. На байдарке и то бы двигались быстрее...

Этак до темноты будем здесь болтаться. Хотя... энергоэлементы сдохнут раньше.

У Васьки лопается терпение. Он прибавляет ходу. И тут я что-то улавливаю боковым зрением.

Дергаюсь в кресле, выворачивая голову под немыслимым углом.

Там на берегу мелькнуло... Человеческая фигура?

Хлопаю Ваську по плечу:

– Назад!

Лубенчиков вздрагивает от неожиданности. И закладывает такой бешеный вираж, что земля оказывается где-то сбоку, а желудки у нас подкатывают к горлу.

– Иди... от! – успевает озвучить Дима.

Зато направление – верное!

Там, у обрыва – человеческая фигурка среди деревьев. Машет руками, что-то выкрикивает.

Берег стремительно приближается.

– ...! – выпаливает Васька. По-моему, он хочет снизить скорость. А управление заело. Сейчас помогу!

Я хватаюсь за штурвал...

Когда открываю глаза, передо мной полощутся на ветру луговые цветочки. Симпатичные, желтенькие... Они совсем близко – за треснувшим колпаком кабины.

И чей-то ласковый голос доносится рядом:

– Эй, придурки, вы целы?

– Нормально, – пробурчал я, кое-как выбираясь из салона. Подумаешь, флаер метра на два ушёл в почву – просто почва здесь такая... мягкая.

Бинк качал головой и щурился – маленький, ехидный, волосатый. Да, зря я боялся, что на него свалимся. Этого обормота и линкором не прошибёшь.

– Кто ж так сажает! Эх вы, пилоты недоношенные...

– Надеюсь, мы тебя не задели?

– Вы травмировали мои эстетические чувства, – вздохнул хоббит и дружелюбно добавил: – Совсем мозги пропили, отморозки голокожие!

– Вранье! – решительно возразил Лубенчиков. – Мы – абсолютно трезвые. Ни капли – с прошлого вечера!

– Кошмар, – вздохнул Бинк, – если б знал, вообще держался отсюда подальше.

– Ну так и держался бы! – рассердился Дима, щупая шишку на лбу. А я окинул взглядом флаер.

Вовсе не плохо для начала. Им ведь ещё можно пользоваться... Конечно, если выдержать передок из земли и провести небольшой капитальный ремонт.

– Да, – кивнул Васька, – нормально сели... А если ты такой пугливый, мог бы нас вообще не приглашать! Обойдёмся без слабаков!

– Я вас приглашал? – изумился Бинк. – Да если бы не Тэй-Гор... – и хоббит вдруг осёкся. Побледнел, хватаясь за кобуру с бластером.

Чего это он?

Прыгнул в тень флаера и отчаянно манит нас рукой. Ну и рожа у него – будто метаморфа увидел. Хотя вокруг – ни души.

Мы присели рядом, и Бинк прошептал:

– Значит, вы получили мое письмо?

– Ну... да.

Он прикусил губу. И выдавил:

– Я его не отправлял.

Тишина. Выглядываем из-за флаера.

Листья деревьев даже не дрогнут. Ветер стих. А позади – спокойная река под обрывом... Безмятежность разлита в воздухе. Может, зря паникуем?

– Кто-то пошутил? – неуверенно предположил Васька.

– Хороши шуточки! – скривился Бинк. – Они прислали мне сообщение «от Тэй-Гора»! Значит, взломали нашу переписку...

– Ну и что? – пожал плечами Лубенчиков. – Я вот тоже как-то эсэмэску получил – от Владимира Путина: «Васёк, срочно кинь 300 рублей на этот номер».

– И что?

– Конечно, кинул. В следующей эсэмэске получил благодарность от президентской администрации...

– Тс-с! – Бинк прижал палец к губам.

Мы замерли. Почудилось ему что-то?

– Значит, так, – шепнул хоббит, – мы с Лёхой бежим к моему флаеру. Вы двое – нас прикрываете...

– Интересно чем? – хмыкнул Васька.

– Ладощками, – подсказал Дима.

Бинк насупился:

– А где же... ваши бластеры?

– Есть вот это! – Лубенчиков достал из кармана плазменный резак. Маломощный – другие в супермаркетах не продаются. Ну и что? Вполне хватит, чтобы прижечь врагу задницу – конечно, если догонишь.

Хоббит скривился и молча вытащил второй бластер из кобуры на своей штанине. Протянул Диме:

– Только нас не подпали, снайпер...

До ближней рощи метров десять. Никакого флаера там нет.

Но это как раз правильно.

Бинк молча хлопает меня по плечу.

Один стремительный рывок – через кусты, высокую траву... и я бьюсь коленкой о что-то невидимое.

Хоббит сдёргивает маскировочную накидку. Под ней – сверкающий полировкой супер-скоростной аппарат марки «Искра». Это вам не колымага из проката – на таком мы уже в считанные минуты будем в соседнем полушарии!

Бинк прыгает внутрь и машет рукой остальным. Васька и Димыч несутся огромными скачками, как зайцы. Когда работники прокатной фирмы сюда доберутся, лучше нам оказаться где-нибудь далеко...

– Стартуем! – радуется Лубенчиков.

– Это вряд ли, – хладнокровно замечает кто-то поблизости.

Мы цепенеем.

У Васьки такая физиономия, будто его громом оглушило.

Сжимая рукоятку плазменника, я поднимаю глаза.

Ни хрена себе!

Из-под маскировочной накидки на крыше флаера нагло торчит чья-то нога. Ступня – обута в кроссовку. А ещё... она – явно женская. Впрочем, как и голос:

– Не выйдет у вас подняться. Управление заблокировано.

Невидимая накидка отлетает в сторону, и к женской конечности присоединяется остальное. Темноволосая особа лет двадцати в коротких шортах и длинной футболке. Она жуёт фрукт, напоминающий яблоко, и окидывает нашу компанию безмятежно-презрительным взглядом.

А из кабины долетают приглушенные ругательства Бинка. Кажется, девица сказала правду.

Покрасневшая морда хоббита высовывается наружу. Ноздри у него свирепо раздуваются. Но интонации обманчиво мягкие:

– С управлением... ты постаралась?

Юная особа качает головой, старательно прожёвывая «яблоко». А хоббит, судя по его задумчивости, борется с желанием схватить её за ногу и сдёрнуть с крыши.

Наконец, огрызок летит в сторону.

Девушка достаёт зеркальце и что-то изучает в своей внешности. Попутно спрашивает будничным тоном:

– Флаер зарегистрирован на подставное лицо... три дня назад?

– Да, – цедит Бинк.

– Это не помогло. Они уже знают, что ты здесь. Бортовой компьютер заблокирован спутниковой навигационной системой...

– Кто... знает?

– Тэй-Гор и Служба Имперской Безопасности. Точнее, те в Безопасности, кто хотят сдать вас регентам.

– Чего-чего? – выдавил Васька. Мы с Димычем хмуро переглянулись. Бинк плюнул на траву, недобро сощурился. А девушка спрыгнула с крыши флаера легким, быстрым движением. Потянулась, зевнула. И стала раздеваться.

Лубенчиков нервно хихикнул. Его впечатлительные мозги уже не выдерживали такого наплыва событий.

Особа стянула шорты и аккуратно упаковала их в крохотный рюкзачок – вслед за кроссовками.

– Что ты знаешь о Тэй-Горе? – хрипло спросил Бинк.
– Он вас предал. У партии легитимистов – большие проблемы с финансированием. Были. Кто-то им сильно помог в последние дни... Новости слушаете?
– Да... – безжизненно кивнул хоббит.
– Сразу после выборов вас передадут в руки охраны регентов.
– Она врёт! – разозлился Дима.
– Насчёт финансирования – нет, – вздохнул Бинк и вскинул бластер. Целился он прямо в висок незнакомки. – А теперь быстро: кто твои хозяева?
– У меня нет хозяев, – улыбнулась девица и сдёрнула футболку. Под которой ничего не было. В смысле – ничего кроме гладкой загорелой кожи, всяких волнующих округлостей и мало что скрывающих «стрингов».
Зрелище было сильное.
Васька даже шагнул вперёд. К счастью, вовремя одумался.
Я стиснул зубы – вот оно, воплощённое коварство спецслужб!
– На кого работаешь? – мрачно спросил Бинк.
– У регентов много врагов. В том числе и в Имперской Безопасности, – она сунула футболку в рюкзачок, закинула его на плечи. Игнорируя нацеленный бластер, плавно двинулась к обрыву.
– Стоять! – рявкнул Бинк.
– Ага, ищите дурочку. Раз управление заблокировано – максимум через пару минут здесь будет группа захвата.
Прошла мимо хоббита, и тут только я заметил: ожерелье у неё на шее – да ведь это нуль-транс!
– Всего доброго, мальчики.
– Э-э! – вздрогнул Васька, – а как же мы?
– Спокойно, – пробормотал Бинк, – нас на испуг не возьмёшь.
– Угу, – задумчиво кивнул Дима.
Где-то за лесом послышался едва уловимый характерный свист. Как раз такой издают тяжелые армейские флаеры, когда резко сбрасывают скорость...
Физиономия хоббита обрела нежно-серый оттенок.
Девица помахала нам ручкой. И коснулась массивного кругляша на ожерелье.
– Эй, – выдал я, – разве ты нам не поможешь?
– А я думала, вы хотите остаться.
– Ребята, погодите! – махнул рукой Бинк. – Мы ведь не знаем, где окажемся... Вдруг это ловушка!
Два силуэта разом возникли над лесом – окутанные маревом защитного поля армейские машины. И хоббит первый бросился к незнакомке.
«Активировать переход?» – спросил механический голос.
– Да! – рявкнул Бинк.
Однажды мы это проходили – нуль-транса вполне хватит, чтоб перенести пятерых. Главное, плотнее прижаться – тогда система распознает нас как единое целое... На морде Лубенчикова светится неуместная улыбка. Его рука крепко обняла талию девушки.
«Активация через пять секунд!»
Густая тень заслоняет солнце. Сейчас ударят парализатором или чем похуже...
– Не успеем! – морщится незнакомка. – Давайте к обрыву!
«Пять... четыре...»
Ого, там ведь высота метров двадцать! Может, и больше!

Успеваю об этом подумать уже в полёте. Сплетённый клубок тел почти разрывается в воздухе. Моя рука судорожно сжимает плечо девицы. Мелькают речная гладь внизу, пальцы Лубенчикова на правой груди незнакомки...

А потом всё исчезает в яркой вспышке. Страх захлёстывает эйфория – как и положено при нуль-переходе...

Несколько мгновений патологического счастья. И, замедлив падение, мы вываливаемся куда-то в синеватую толщу.

Глава 3

Отчаянно гребём к свету.

Пронзаем податливую границу. Фыркаем, выплёвывая солёную влагу. И глотаем воздух. Удивительно сладкий, пьянящий...

Как здорово, что тут его – до хрена!

Целое небо!

Прозрачный купол – вверх. А вокруг – безбрежная голубая, зеленовато-перламутровая, искрящаяся на солнце стихия.

Море... Океан?

– Трумлю в задницу! – сквозь плеск воды – ругань Бинка.

Ясное дело – плавает он неважно. А вдобавок неизвестно: куда двигаться? И доплы-
вёшь ли вообще...

Я завертел головой: где эта чёртова незнакомка?

Здесь.

И тоже внимательно оглядывается по сторонам.

– Что за фигня? – отфыркивается Дима. – Берег... далеко?

Девушка хмурится и молчит.

– Куда спешить? – скалится Васька. – Водичка тёплая... Прозрачная... – и зыркает
сквозь толщу воды на смутные очертания женского тела.

Нашёл время!

Хотя... он прав – не для того нас сюда перебрасывали, чтобы банально утопить. Слиш-
ком дорогое удовольствие – парочка нуль-трансов по цене вполне сравнима с небольшим б/
у звездолётом. Удобнее было грохнуть нас ещё на Киагре.

– И чего мы не взяли хотя бы спасательные пояса? – пробормотал Дима.

– Лучше – лодку, – уточнил Васька. – В следующий раз без лодки – из дома не ногой.

Я покосился на девушку... Она отнюдь не казалась испуганной. Скорее, сердитой.

– Хотите, подержу ваш рюкзачок, – ухмыльнулся Лубенчиков, подплывая ближе.
Думаю, после всех передраг он рассчитывал на что-то большее, чем тесные объятия во время
нуль-перехода. Например, мечтал об искренней и крепкой... очень крепкой дружбе.

– Отвали, щегол! – процедила незнакомка. И озвучила пару выражений. Нет, уже не по
адресу Васьки – она извлекла из рюкзака плоскую коробочку с экраном и говорила, адресу-
ясь к изображению.

Закончила и в сердцах отшвырнула «рацию». Та не утонула. Осталась плавать рядом
на поверхности.

– Связь – великое дело, – подмигнул Лубенчиков. – А теперь есть время расслабиться,
моя дорогая русалка. Только вы, я и океан...

– Вот наглец, – буркнул Капустин по-русски. – А мы что, не люди?

Последняя фраза была пропущена мимо ушей.

– Меня, кстати, Васей кличут...

– Это заметно, – сухо кивнула девушка.

Через минуту у горизонта возникла точка. Ещё через минуту она превратилась в рос-
кошную белую яхту.

Девушка поплыла навстречу. Ловко вскарабкалась по свисавшим до воды поручням,
исчезла в рубке и отвесила кому-то громкую пощечину. По крайней мере, звук был именно
такой.

– Где тебя носило, мерзавец!

– Э-э, госпожа...

Ещё удар. И унылое восклицание:

– Вахх... зачем сердитый, антилопа моей души?!

Когда мы влезли на палубу, из рубки высунулась голова хахира – парнокопытного, кентаврообразного:

– Мир и благополучие! – нечеловеческая физиономия вполне узнаваемо изобразила улыбку. И скривилась.

Хахир мрачно потёр щеку – та пунцово краснела сквозь редкую шерсть. Нервно стукнул копытом и оглянулся.

– Суровая у тебя хозяйка, – понимающе усмехнулся Лубенчиков. – Кстати, где она?

– Переодеваться, – ответил кентавр и шумно вздохнул могучей грудью. Даже для хахира он был крупноват. Ростом мы были ему до плеча.

– Отдыхать, – осклабился «моряк», протягивая нам полотенца, – вытираться. Сухо, хорошо! – и исчез в рубке.

Мы скинули мокрую одежду. Остались в одних трусах. Васька с сомнением оттянул резинку, но, видимо, посчитал, что для первого свидания это будет слишком.

– Смотри, – хмыкнул Бинк. – Видал, как эта с хахиром управляется? А она ж ему по пояс.

– Ничего! – отмахнулся Лубенчиков. – У меня талант общения!

– У неё – тоже. А ещё – хорошее знание педагогических приёмов...

– И чёрный пояс по карате, – хладнокровно предположил Капустин.

Ослепительное солнце (или как оно здесь именуется?) стояло в зените. Жарковато, но после купания – самое то. Мы опустились в удобные кресла под навесом.

Места здесь хватает. Есть даже круглый стол. Хотя сама яхта не кажется огромной. Я не большой спец в технике, но судно впрямь выглядит диковинно. Крохотная серебристая рубка с матовыми окнами и голая палуба. Из всех морских снастей – лишь навес и эта мебель.

Зато скорость – приличная. Тонкая полоса берега впереди ощутимо вырастает с каждой секундой.

Если бы не это, мы вряд ли поняли, насколько стремительно движемся. Качка – совсем не заметна. словно мы не морем идём, а мчимся по абсолютно ровному шоссе.

Легкий ветерок приятно обдувает лицо. Развешанная на поручнях одежда лишь слегка трепыхается. Ничего удивительного – защитное поле гасит встречный поток воздуха...

Я окинул взглядом лица товарищей.

Они казались спокойными.

И верно – чего паниковать?

Вроде выкрутились. Все целы. Даже оружие не потеряли. Бинк задумчиво поглаживает рукоятку бластера. А Дима аккуратно спрятал его за спину.

– Интересно, что это за планета? – шепнул хоббит.

– Чего ж ты у «шкипера» не спросил? – негромко отозвался Капустин.

– Лучше подождём хозяйку...

Да, лучше. Если точка выхода нуль-транса спрятана под водой – значит, регистрацией тут и не пахло. Явная «нелегальщина». Глупо к первому встречному лезть с расспросами. Все равно, что вынырнуть с аквалангом где-нибудь у Южного берега Крыма и допытываться у отдыхающих: «А какая это страна?»

В сущности, нам теперь без разницы, где мы. Главное – за сотни световых лет от врагов. И фальшивых «друзей»...

– Что-то долго она переодевается, – буркнул хоббит.

– По-моему, там и переодевать-то особо нечего, – кивнул Васька.

– Стараются для тебя, – подмигнул Дима.

– Глупости. Меня и предыдущий костюм отлично вдохновлял.

Бинк почесал загривок:

– Думаю, у неё сеанс связи с начальством.

Мы притихли, вслушиваясь. А хоббит шепотом добавил:

– Малость осмотримся – и....

Я догадывался, о чем он. Но Бинк не успел завершить фразу. Легкие шаги донеслись из рубки:

– Ну что, оклемались, мальчишки?

Девушка стояла в дверях. Теперь на ней был цветастый халат без рукавов. А поверх каштановых волос – лёгкое кепи. В руках она держала поднос с прозрачным кувшином и стаканами. В кувшине плескалось что-то желтовато-искристое.

– Сок, – коротко объяснила она. И водрузила поднос на столик: – Угощайтесь.

Никто не двинулся с места.

Мы с Бинком коротко переглянулись. Дима рассеянно таращился куда-то мимо – словно происходящее его не касалось. Лишь Васька торопливо налил себе полный стакан.

Балбес!

Я «нечаянно» толкнул его локтем. Сок выплеснулся ему на живот.

– Медведь неуклюжий! – заорал Лубенчиков. Потом уловил наши взгляды. Скорчил свирепую гримасу и утих.

Девушка поняла. И хихикнула.

Налила все бокалы до краев и отпила из каждого:

– Теперь довольны?

– Ты могла заранее принять антидот, – пробурчал Бинк.

– Вот ещё! Буду я глотать всякую дрянь!

Мы пригубили кисло-сладкой жидкости. Чуть терпкая влага будто морозом коснулась нёба.

– Уф-ф! – выдохнул Васька. – Забористая штука!

Хлебнул ещё и едва не поперхнулся. Выпучил глаза, взмахнул руками, указывая куда-то перед собой.

Мы оглянулись. И обнаружили, что яхта, не сбавляя хода, мчится напрямик к берегу – туда, где огромные камни скользкими боками торчат из воды.

– Полный назад! – крикнул я. – Разворачивай!

Слишком поздно. Этот идиот в рубке не успеет... А ведь он и не думает менять курс! Мы вскочили с кресел – на такой скорости яхту разнесёт в щепки!

– Все за борт! – рявкнул я.

Кроме нас троих – никто не двинулся с места. Васька сделал отчаянную попытку выдернуть девушку из кресла. И получил локтем под дыхало. А Бинк сердито спросил:

– Что, голокожие, на солнце перегрелись?

В этот самый миг яхта достигла камней. Слегка качнулась и... ничего! Она продолжала лететь вперёд. Миновала кромку прибоя и теперь неслась над гладким песчаным берегом.

Океан остался за кормой.

Васька ошалело перегнулся через борт. Там, внизу, жёлтым облачком стелилась «позёмка» из песка – будто дымный след за нашей яхтой.

Димыч опомнился первым:

– Спокойно, граждане. Учебная тревога! Проверка бдительности!

Бинк и девушка переглянулись. Хоббит мрачно насупился.

– Всем спасибо! Благодарю за проявленную выдержку! – ляпнул Лубенчиков.

– Заткнись, – посоветовал я вполголоса.

– Угу, – кивнул он с показным равнодушием и вернулся к столу. До краев налил свой бокал:

– Хороший сок!

– Да. И пляж – симпатичный... – фальшиво восхитился Капустин.

Чёрт! Всякий раз мы прокалываемся в мелочах. И опять выглядим неотёсанными дикарями из отсталого мирка где-то у границ Тёмной зоны.

– Пляж? – криво усмехнулся Бинк. – Что-то больно он великоват...

Точно. Синеватая полоска океана ощутимо сжалась к горизонту. А песок впереди не думает кончаться... Его здесь больше, чем в Каракумах!

Но Васька умел находить положительные стороны:

– Тепло, светло. И куда просторнее, чем в Мариуполе...

– Только отдыхающих не заметно, – буркнул я.

– И не говори! Сразу видать – нету у местных деловой хватки. Да тут на одних лежаках можно озолотиться!

Кажется, он сам не очень в это верил. Но буйная фантазия продолжала выплёскиваться:

– А если через каждый километр поставить киоски с пивом...

– Заколебёшься ставить, – оборвал его Бинк. И хрипло спросил: – Что это за планета?

Девушка пожала плечами:

– Наверное, вы и сами догадываетесь...

– Хахир-11?

– 97, – мягко уточнила она.

– Врёшь! Нуль-транса бы не хватило!

– Хватило. На пределе.

Бинк сморщился – будто хлебнул прокисшей «кометы». Опять налил себе сока, обвёл нас тяжелым взглядом. Так ничего и не сказал – молча осушил бокал до дна.

– Я, конечно, извиняюсь, – вкрадчиво начал Дима, – в курортах мы слабо разбираемся... Далеко отсюда до Киагры?

– 1677 световых лет, – равнодушно отозвалась хозяйка яхты.

– Нормально. То есть достаточно далеко, – хмыкнул Васька.

– Угу. Достаточно, – процедил Бинк. – Тут до любого обитаемого мира не меньше полутора тысяч! Да ещё с офигенно нестабильным гипером... Как часто сюда заходят рейсовые корабли – небось раз в полгода?

– Ты отстал от жизни, – улыбнулась девица, – максимум раз в год.

Хоббит сердито сжал пустой бокал.

А мы с Димой переглянулись.

Давние слова Бинка всплыли в памяти: «Когда идёшь вдоль потока – минимальный расход энергии, хороший баланс для гиперпрыжка... Все главные транспортные магистрали расположены вдоль течений. От центра Галактики и обратно... Чем дальше от этих главных трасс – тем меньше стабильности при прыжке...»

Раз в год?

В какую же дыру нас занесло! И, главное, как отсюда выбраться?

Единственный человек это знает. И он... то есть она – кажется удивительно спокойной.

– А что? – подмигнул Лубенчиков. – Мне здесь нравится, ребята. Тем более в хорошей компании... – Он одарил девушку взглядом, от которого ей полагалось смущённо залиться краской. Но, по-моему, смущаться она давно разучилась. Если вообще умела.

Васькины интонации стали вкрадчиво-воркующими:

– Мы до сих пор не узнали вашего имени...

– Кэй-Ми, – безмятежно ответила она.

– Здорово! А как переводится на галактический?

– Пошёл в жопу, – ласково ответила девушка.

– Надеюсь, это вольный перевод?

Тут у Димы лопнуло терпение. Он сформулировал коротко и внятно:

– Милая, чего тебе от нас надо?

– Помощи. В одном маленьком деле.

– А ты случайно не принцесса? – сразу насторожился Лубенчиков.

– Нет. Я простая девушка, – бесхитростно ответила Кэй-Ми. И трогательно качнула головой.

Только взгляд у неё оставался жёстким.

– Но ведь у нас есть выбор? – усмехнулся я.

– Конечно. Хахир-97 – прекрасная, благоустроенная планета. Тут даже атмосфера имеется, поэтому климат относительно мягкий. До минус десяти ночью, до плюс сорока днём.

– Классно! – обрадовался Васька. – Если ночью замерзнешь, днём – точно отогреешься.

– Пресной воды почти нет. Зато имеются два океана.

– Уже кое-что!

– Наземная растительность и фауна тоже почти отсутствуют... Рах-Тан, возьми левее!

– Это опасно, госпожа, – испуганно донеслось из рубки.

– Выполняй!

Яхта слегка вильнула, изменяя курс. Мы отошли от каменной гряды. Теперь двигались над низкими барханами. Океан давно исчез с горизонта. Становилось заметно жарче.

Кэй-Ми смотрела прямо по курсу. Будто чего-то ждала.

– Рах-Тан, что на локаторе?

– Э-э, госпожа... – начал он тоскливым тоном. А закончил яростным воплем и потоком ругательств на хахирском наречии. Яхту резко крутануло вправо. Там, где мы были секунду назад, взметнулся к небу фонтан мелких камешков и песка.

На поверхность вылетело что-то огромное, серое, вытянутое – раза в три крупнее яхты... Нет, ещё больше! Пока передняя его часть, описав в воздухе дугу, мчалась к нашей корме, задняя часть только показывалась наружу.

Бокалы посыпались со стола. Нас потряхнуло так, что и гравикомпенсаторы не помогли. Васька выпал из кресла. Я приложился лбом о столик.

Кажется, Рах-Тан выжал всё, на что способен двигатель. Ускоряясь, яхта прыгнула, разом одолев сотню метров. И огромная голова червя с распахнутыми жвалами-челюстями ударилась о песок в считанных шагах от кормы – с такой силой, что отдельные камешки брызнули, дождём посыпались на палубный тент.

Нет, *оно* не разбилось. С чавкающим звуком вошло в почву, как в масло. Исчезло в клубах пыли. А песок задрожал, обозначая траекторию невидимого тела...

Яхта на максимальной скорости достигла каменной гряды. И теперь шла, почти цепляя правым бортом низкие утёсы.

– Растительность и фауна почти отсутствуют, – как ни в чём не бывало продолжила Кэй-Ми, – но под слоем песка в обширных и глубоких болотах сосредоточен основной объём биомассы...

Мы сидели с каменными лицами. Побледневшие, притихшие.

Наконец Васька озвучил непослушными губами:

– Угу. Симпатичная планета... Кстати, сколько отсюда стоит билет на рейсовый звездолёт?

– Отсюда – куда?

– КУДА УГОДНО!!!

Кэй-Ми прищурилась:

– 3500 кредитов – до ближайшей кислородной планеты. До станции на метановом гиганте – в два раза дешевле.

– Ну, спасибо. Всю жизнь мечтал дышать чистым неразбавленным метаном...

– Это не так уж дорого, – успокоила девушка, – вступите в артель охотников на червей... И заработаете на билеты.

Глаза у Лубенчикова округлились:

– Охотников... на вот таких тварей?

Кэй-Ми пожала плечами:

– Увы. Здесь это основной источник дохода.

– И сколько надо их поймать – чтоб на билет хватило?

– Много, – уклончиво ответила она, – но вы не переживайте. Лет за десять управитесь.

– А чё ж так долго? – процедил Капустин.

– Конъюнктура рынка. Когда-то шмайс – настойку на внутренностях червей – экспортировали десятками тысяч тонн. В качестве средства для адаптации при гиперпереходах. Ещё он обладает слабо наркотическим действием. Увы, теперь появились более эффективные лекарства. И более дешёвые наркотики. Так что торговля шмайсом пришла в упадок...

Она развела руками. И добавила ободряюще:

– Но не всё так плохо. В последние годы наметились позитивные тенденции.

– Это какие? – оживился Дима.

– У шмайса открылись новые свойства. Он хорошо удаляет бородавки. И здорово помогает при насморке.

Васька заскрежетал зубами. Перспектива успешного лечения насморка почему-то его не вдохновляла. И от безоблачного настроения не осталось уже следов.

Капустин сверлил Кэй-Ми хмурым взглядом. Бинк глядел куда-то в сторону и ковырял пальцем подлокотник кресла. Равнодушно – будто заранее догадывался обо всём, что услышит.

А я, наоборот, изучал нашу «спасительницу» с интересом. Наверное, с таким же интересом лабораторные крысы смотрят на доброго дядю в белом халате...

Нет. Конечно, она – не дядя. Она – очень даже «тетя». Если можно так назвать юную и привлекательную особу. А вот в том, что она «добрая» – нет сомнений. И в блеске её карих глаз – явно что-то от снайперской оптики.

Улыбается... Почти обворожительно. Если бы не чуть заметные, суровые складки в уголках губ.

Нет, милочка. Мы – не крысы.

– Кстати, а сколько стоит эта яхта? – рассеянно уточнил я.

– Довольно дорого, – признала Кэй-Ми. – А почему вас это волнует?

– Да вот, прикидываю – хватит нам на билеты...

– Не советую, – подмигнула она, – судно – не моё, арендованное. Принадлежит здешнему муадибу.

– Кто такой?

– Формально – наместник хахирского правительства.

– Ну... Я с детства любил всяких овечек и других парнокопытных. Думаю, он не сильно обидится.

– Он – человек, а не хахир. К тому же крепко подсевший на шмайс. Это здорово расширяет сознание. И портит характер.

– Надо же... И как это ты с ним столковалась?

– Я вообще способная... Кстати, чтоб покинуть планету, вам потребуются документы. Без муадиба – это невозможно. Зато реально угодить в местную тюрьму... По сравнению с пустыней – не самый худший вариант. Там очень любят иностранцев – бесплатно кормят раз в день. И по выходным дают порцию шмайса.

Я улыбнулся – а что ещё оставалось делать?

Повернул голову. Серовато-жёлтым пескам все так же не было предела. Ветер нёс их горячее дыхание. Лишь впереди у самого горизонта едва проступила коричневая цепь гор.

– А на Земле сейчас обед, – задумчиво вздохнул Васька, – макароны дают...

– Какие ещё «макароны»? – удивился Бинк.

– Не обращай внимания. Вспомнил дни юности... Эй, милая, а чем угощают в здешней тюрьме – надеюсь, чем-то полезным и калорийным?

– Разумеется. Похлёбкой из червей.

– Слушай, это становится однообразным, – обиделся Васька, – у бедуинов и то хотя бы саранча на десерт...

– Хватит обсуждать деликатесы, – сморщился Бинк, – и так понятно – рай для туристов. Но, думаю, с посещением тюрьмы можно повременить. Есть ведь и иные альтернативы...

– Есть, – небрежно кивнула Кэй-Ми.

Глава 4

У въезда в долину красовался громадный выгоревший плакат: «Добро пожаловать в Ар-Махх, жемчужину гор!»

– Крупный промышленный и административный центр находится в удивительно живописном месте... – продекламировал Васька страницу из карманного путеводителя. – Здорово! Надеюсь, культурная программа будет насыщенной?

– Да, вечер в вашем распоряжении, – милостиво ответила Кэй-Ми.

Я скривился.

Чёртова командирша!

Яхта «Тушканчик»² миновала Каменные Врата – два огромных утёса. Поворот – и перед нами узкая долина, с трёх сторон окруженная отвесными скалами.

Рах-Тан вывел судно на гладкую, слегка припорошенную песком площадку. Несколько похожих «кораблей» там уже размещались – хотя и куда более древние на вид.

– Приехали! – доложил шкипер.

– Не понял, – растерянно буркнул Васька, – а где город-то?

– Да вот же он! – Рах-Тан высунулся из рубки и с оптимизмом почесал волосатую грудь. – Красота!

Несколько сотен приземистых куполообразных домиков. Рядом с ними чахлые сады и мутноватый ручеёк, сбегаящий с гор.

– Мы точно не ошиблись адресом? – выдавил Лубенчиков.

– Нет, – успокоила Кэй-Ми, – просто путеводитель... хм... он чуть-чуть устарел.

– Лет на пятьдесят, – кивнул Бинк.

Из днища яхты выдвинулись подпорки. Мы сошли на землю по лесенке. Навьюченный кой-какими пожитками Рах-Тан задрал дверь рубки и спустился тоже – довольно ловко, учитывая, что вместо ног у него были копыта. Достал из жилетного кармана яркую плоскую коробочку. Нажал. В ответ пискнуло. И яхта окуталась едва заметным серебристым мерцанием.

– Противоугонка! – догадался Дима.

– Родные места, родные люди, – добродушно объяснил шкипер.

– Угу, – процедил Васька, – я уже почти чувствую себя в Анапе!

Мы пересекли «причал» (или аэродром?) и истертыми ступенями поднялись на что-то вроде набережной. Она тянулась вдоль широкого мола, отделявшего город от остальной долины. Кажется, это защита от ветра и песка.

По крайней мере, раньше мол годился для этого. Сейчас в каменной «плотине» полно сквозных трещин. И в двух местах зияют огромные дыры.

А ещё мы заметили остатки какой-то машинерии – вероятно, генераторов защитного поля. Когда-то здесь была довольно благоустроенная жизнь...

– Ночевать будем в палатке? – поинтересовался Дима.

– Почему? – удивилась Кэй-Ми. – Я уже сняла пустующий дом. По местным меркам – довольно комфортный.

– Я представляю, – сердито шепнул Васька.

² Разумеется, на Хахире-97 не водятся земные животные. При переводе с галактического на русский пришлось использовать наиболее близкий по смыслу термин.

Минут пять двигались кривыми улочками. Вблизи строения не выглядели симпатичнее. Однотипные, сложенные из базальтовых блоков купола – каждый чуть выше человеческого роста. И «дом», у которого мы остановились, тоже не блистал архитектурными излишествами. Тронутая ржавчиной стальная дверь и единственное крохотное окошко.

– Напоминает мне об училище Космофлота, – ностальгически вздохнул Бинк.

– Серьёзно? – округлил глаза Дима.

– Ещё бы. Двадцать суток в карцере – такое не забывается.

Васька поёжился:

– А может, на яхте переночуем?

– Зачем вызывать лишние подозрения, – отмахнулась девушка.

– Согласен, – кивнул Бинк, – а пока... Не возражаешь, если мы прогуляемся?

Она смерила нас внимательным взглядом. Чуть усмехнулась:

– Конечно... Кстати, вон там, за площадью, единственное место, где продают и наливают спиртное. Но сильно не увлекайтесь... А то заставлю каждого слопать по упаковке «отрезвителя».

– Мы ценим твою доброту, – поблагодарил Бинк. И развернулся на 180 градусов. Направился через площадь прогулочным шагом.

Мы чуть замешкались и двинулись следом. Чувствуя спинами тяжёлый взгляд крошки Кэй-Ми.

– Сворачиваем в переулок и делаем ноги! – шепнул Васька метров через пятьдесят.

– Ни в коем случае! – решительно возразил Бинк.

– Тебе что, тут нравится? – искренне изумился Лубенчиков.

– А тебе разве нет? Континентальный климат и дружелюбная фауна – что ещё надо такому балбесу?

– Я обижусь! – честно предупредил Васька.

– Сначала раскинь мозгами...

– Уже. Ничего себе заданье – обчистить Гробницу... этого...

– Иб-Хебу Светозарного. Местный бог... или культурный герой.

– Да хоть бы и бескультурный! Кто-то мечтает загрести жар чужими руками. И прикрывается благом Империи. Даже если у нас выгорит – кем мы окажемся? Лишними свидетелями!

– Или... павшими героями, – оптимистично предположил Дима.

Подожли к зданию, выдержанному в общем стиле – такой же приземистый купол, хотя и покрупнее. Вывеска «Неб сняя вл га» колыхалась на ветру. Входить мы не стали. Почему-то совсем не хотелось пить. Опустились на скамеечку у дверей.

Бинк почесал загривок:

– Чужими руками... это да. Всегда используют тех, у кого нет выбора. Как у нас...

– Есть выбор! – горячо зашептал Васька. – Дёрнем отсюда! Угоним яхту. Или уйдём в горы...

– И долго ты там просидишь?

– Надо мыслить конструктивно! И позитивно. Как Андрюха Диулин! Когда на него наехали «салтовские», он позвонил «алексеевским». И пока они мочили друг друга, уехал за границу!

– В Америку? – наморщил лоб Дима.

– Да на фиг она ему сдалась! В Европу – в Кишинёв!

– И кому ты предлагаешь звонить? – сощурился я.

– Пока не знаю. Главное... – он запнулся. И придирчиво уставился на меня. – А что ты предлагаешь? Подчиняться этой стерве?

Я закрыл глаза. Только ничего путного в голову не лезло. Я подумал об Илге. Опять видел её, как живую. И слышал слова: «До свиданья, Лёха!» Столько было всего. А в памяти засела эта минутная видеоткрытка...

Дьявол, узнает ли она вообще, что с нами случилось? Да хоть бы и узнала, чем бы это помогло? Скорее, и её жизнь повисла бы на волоске...

– Что молчишь? – не отставал Васька.

– Думаю. Если бы Тэй-Гор...

– Он – политик, – сухо вмешался хоббит, – этим всё сказано.

– А вдруг он сам не в курсе? – почесал затылок Лубенчиков.

– Хочешь послать ему весточку? – усмехнулся Дима. – «Милый дедушка, забери меня отсюда...»

– Милый... – процедил я. Именно Тэй-Гор настаивал, чтобы мы отправились «на пикник» – туда, где нас удобно было повязать без посторонних глаз и ушей. А ещё – лишь он, кроме нас, знал анонимный адрес Бинка.

Ветер усилился. Пыльные смерчи закружились над истертыми камнями площади.

– Войдём? – предложил Капустин, кивая на вывеску.

Васька хмуро пожал плечами. Но двинулся вместе с остальными. Легче разговаривать, когда на зубах не скрипит песок.

За металлической дверью вполне можно было горели желтоватые лампочки. Гранитные ступени вели вниз. Мы спустились на два пролета, миновали ещё одни двери – в этот раз из дешёвого пластика.

Внутри – куда просторнее, чем мы думали. И чище. Оказывается, здесь имеется целый подземный ярус – куда более обширный, чем верхний этаж.

Правда, освещена лишь малая его часть, примыкающая к бару. Всё остальное теряется в полумраке. От трёх окошек на сводчатом потолке – толку немного...

– Э-э! Есть тут кто-нибудь?

– Добро пожаловать! – отозвался из-за стойки приятный мужской бас.

Васька удивленно моргнул – с кем тут общаться?

То, что мы приняли за диковинного вида кухонный агрегат, отделилось от стены и услужливо шевельнуло конечностями:

– Чего желаете?

Тьфу, настоящий робот-бармен! Причём такой древней конструкции, что на Киагре разве в музее отыщется.

– Желаем промочить горло!

– Желаете... замочить? – неуверенно повторил робот. Вряд ли он был настолько тупой. Возможно, его сбивало с толку наше столичное произношение. Или богатый и образный словарный запас.

– Ну ты, кофейник-переросток! Жертва коррозии! Пить дай!

Нас поняли.

Вспыхнул экранчик меню.

– Эх... – вздохнул Лубенчиков.

А, собственно, чего мы ждали?

Десять видов настоек на внутренностях червей! Местный сорт «кометы» – с добавлением шмайса. И один сорт минералки. Причем минералка была самой дорогой – один стакан по цене литра «червивой» настойки!

Капустин вздохнул:

– Дешевле напиток из того ручейка...

– А копытца не вырастут? – буркнул Васька.

Я стал рыться в карманах. Интересно, принимают в этой глуши имперскую валюту? Содружество Хахира давно объявило о независимости.

– У меня есть деньги, – успокоил Бинк. И выложил на стол кредитку Торговой Гильдии. Гулять так гулять!

Литр минералки обошёлся, как изысканный ликёр по столичным расценкам. В конце концов, кто знает, когда нам ещё доведётся хлебнуть чистой водички.

Расположились за столиком подальше от входа. Думали, что в сумраке меньше будем привлекать внимание. Но, кажется, свет здесь врубался автоматически. Едва опустились на колченогие железные стулья, вспыхнула лампочка посреди стола. В её тусклом мерцании мы и вовсе казались бандой заговорщиков. Угрюмых и мрачных. Темноволосый Лубенчиков с сердито поблёскивавшими глазами тянул на целого пирата – Джека-Воробья или даже похлеще.

Только нам не до авантюры...

Бармен пустил какую-то музыку. Тихая мелодия полилась над залом.

– Вам не мешает?

– Нет, – отмахнулся хоббит, – можно и громче.

Чтоб лишние уши не смогли разобрать, о чем болтаем. Но пока мы вроде единственные посетители...

– Драпать некуда, – вздохнул Бинк, – тут вам не Киагра.

– И что? – моргнул Васька. – Предлагаешь ждать плазмы в затылок?

– Бластеры у нас тоже найдутся. И, кстати, по-моему, Кэй-Ми нуждается в нас... ИМЕННО в нас. Какого дьявола выдергивать из лап Безопасности нескольких придурков, тащить их через всю Империю – если в Галактике пруд пруди подходящих отморожков? Куда бы дешевле обошлось...

– Вероятно, ни один идиот на такое не подписался, – хмыкнул Дима.

– Кто знает...

Бинк затих и сделал глоток воды.

Есть смысл в его словах.

Чересчур дорогие из нас «одноразовые» агенты.

Утешение – слабое. Хотя... Бластеры у нас, точно, имеются. Целых два! А ещё резак марки «Светлячок». И пусть кто осмелится их отобрать!

«Светлячок» – это вообще сила! Главное, чтоб враг стоял неподвижно. И терпеливо ждал, пока ты проделаешь в нём отверстие...

– А не взять ли нам той «кометы» со шмайсом? – буркнул я, изучая дно стакана.

Друзья устали на меня с лёгким изумлением.

Вообще-то, я среди них числюсь почти трезвенником. На общем фоне, конечно.

– Ты что, Лёха? – возмутился Капустин. – Только местной «дури» нам не хватало!

– У нас и своей – в избытке, – процедил хоббит.

Даже Васька неодобрительно качнул головой.

Блин, какие правильные! Я ведь не собираюсь напиваться. А глоток забытья мне бы не повредил...

Как раз хотел озвучить эту мысль. И вздрогнул – ощутил спиной чье-то движение. Там, в темноте. Где никого не было!

Я рывком обернулся.

Сутуловатая фигура выросла в круге света, озарявшем наш столик. Мужчина лет пятидесяти с неопрятной седой щетиной. Одет в длинный то ли балахон, то ли комбинезон – ткань свисает мятыми складками и кое-где украшена заплатами не в цвет.

– Мир и благополучие!

Откуда он взялся?

Неужели так и сидел в темноте? И мы его не заметили?

– Привет!

Мы хмуро изучали незнакомца. Он виновато улыбался. Я рассмотрел, что из дырки в его матерчатом башмаке торчит грязный палец.

Типичный галактический бомж.

– Не угостите... – зыркнул в сторону минералки.

Мы переглянулись. Совестно отказывать убогому в глотке воды.

– Есть... куда лить? – спросил Васька.

– Конечно! – бомж с готовностью протянул из-за спины одноразовый пластиковый стаканчик.

Лубенчиков нацедил половину. Всё-таки по цене это дороже марочного вина!

Мужчина глотнул. Изумлённо выпучил глаза. Фыркнул, отплеываясь.

Ну и наглец!

– Что это? – спросил, утираясь.

– Вода, – свирепо прищурился Васька. – И, между прочим, по пятьдесят кредов за бутылку!

Сунул ему этикетку под нос.

Бомж растерянно моргнул:

– Извиняюсь. Не думал, что кто-то заказывает такое дерь... дорогие напитки.

Он замолчал, растерянно переминаясь.

– Что-нибудь ещё? – сухо уточнил Бинк. – Сорокалетнего шеанийского ликёра? Или дать тебе тысячу на карманные расходы?

– А из еды вы ничего не заказывали? – выпалил бомж.

Вот и проявляй к людям доброту.

– Пока ничего, – ледяным тоном ответил Васька.

– Возьмите пирожки. Они тут всегда свежие. Вкусные и дешёвые!

Я хмуро заглянул в меню. Ага, вот – «Песня кочевника». Название странное, но, правда, дешёвые. За целый поднос – пять кредов. Переглянулся с Бинком. Может, взять – чтоб этот голодающий отвязался?

Хоббит пожал плечами.

– Один поднос пирожков! – махнул я бармену.

Пришлось обождать пару минут.

Всё это время нищий сидел на железном стуле, который он позаимствовал у соседнего столика, и лучезарно нам улыбался.

Мы терпеливо помалкивали. Только Васька нервно скрёб ногтем крышку стола.

Наконец явился робот-бармен:

– Приятного аппетита!

Водрузил перед нами круглый поднос. Пирожки, с пылу с жару, благоухали и заманчиво блестели коричневатой корочкой. Мы вдруг ощутили, что давно пора заморить червячка. То есть, тьфу... Не желаю знать, с чем эти самые пирожки! Но пахнет приятно.

– Вы позволите... – бомж шмыгнул ближе и деликатно выхватил обеими руками сразу штук шесть «песен кочевника».

Присел за соседний столик и, работая челюстями, утратил к нам интерес.

Мы чуть поколебались. Пирожки остывали. И Васька первым решился.

– А вкусно! – проговорил с набитым ртом.

Остальные тоже не стали медлить. Поднос опустел.

Внутри маленького шарика из теста – нежная, тающая во рту начинка. Ни на что не похоже, но довольно приятно.

Жаль, что хватает только на один укус.

Мы лениво откинулись на спинки стульев. Вроде пустяк, а сразу чувствуешь себя лучше. Кровь быстрее струится по жилам. И даже тускло освещённый зал больше не кажется таким мрачным.

– Хорошая песня, – кивнул Васька, – но короткая!

Тут он озвучил общее мнение.

– Эй, бармен, – начал Бинк, – а повтори-ка... – и махнул рукой. – Давай сразу два подноса!

Пока пирожки готовились, робот включил нам местное телевидение. Шли новости, и какой-то рябоватый тип вещал вдохновенным голосом:

– Милые друзья! Уже близок час, когда Хахир-97 подтвердит во Вселенной своё громкое имя! Плодородная почва расцветёт садами, полноводные реки будут нести свои воды... Континентальный климат, песчаные бури и другие тяжкие следствия тоталитарного режима останутся в прошлом.

– Это что, прогноз погоды? – удивился Капустин.

– Да нет же, это муадиб выступает! – объяснил нищий. И с нежностью уставился на голографическую картинку посреди зала.

Тут подоспели пирожки.

Мы съели ещё по три «песни кочевника».

В зале стало заметно светлее. Наверное, бармен что-то там отрегулировал с лампочками.

И звуки...

Странно, звуки приятно отдавались в голове.

Муадиб продолжал выступление. А я вдруг поймал себя на чувстве искренней симпатии к его одутловатой физиономии, покрытой такими родными бугорками и впадинами...

Вероятно, и остальные что-то ощутили. Я понял это по восторженным лицам.

Васька наклонил голову и высунул язык. Бинк расстегнул комбинезон и вылил себе за шиворот полбутылки минералки. А Дима свалился со стула.

Мудрость великого человека входила в нас с каждым словом:

– ...Нет, не понять тупым легитимистам нашего стремления к первозданности и чистоте! Теперь даже ярые скептики признали, что цивилизация Хахира-97 не имеет ничего общего с одиозной Империей. А главное – куда древнее! И обнаруженные в Северной Пустыне окаменелые экскременты убедительно это доказывают!

– Глубоко копает, – из-под стола признал Дима.

– Он возвращает нас к истокам, – обрадовался бомж.

Васька авторитетно кивнул:

– По сравнению с экскрементами любая империя – фигня!

Я молчал, прислушиваясь к колокольчикам в голове. Потянулся к салфетке, но вдруг так захотелось чистоты и первозданности. И я вытер жирные пальцы о скатерть.

– ...Культура нации – основа демократии. Мы знаем, как выросла она за последние годы! Особенно бурными темпами развивались такие исконные виды культуры, как гонки на песчаных собаках и вышивка бисером!

Я закрыл глаза.

Цветная картина вспыхнула, как наяву – в вышитых бисером санях через барханы несли нас огромные собаки. Я слышал их дыхание и явственно различал скрип песка под

широкими полозьями. А где-то в прозрачных небесах, ликующий, торжественный, звучал голос муадиба:

– ...Благодаря полной приватизации источников пресной воды мы уже многократно увеличили эффективность экономики. Но нам есть куда развиваться! Теперь настал черед атмосферы и океанов!

– Давно пора, – решительно сказал Бинк.

– ...Прошли времена имперского гнёта, когда запасы ценного кислорода бездарно тратились на вздохи о Светлом Будущем и другие шовинистические привычки. Могу вас успокоить, сограждане, – я сделаю всё от меня зависящее, чтобы Светлое Будущее никогда не наступило!

– Теперь я спокоен, – подтвердил хоббит. А Васька от радости поперхнулся водой.

– ...И галактическое сообщество, в лице своих лидеров, признало наши успехи. Как сказал старший помощник младшего секретаря посольства Соединённых Планет: «Уже близок час, когда Хахир-97 вольётся в лоно цивилизованных миров!» А я, сограждане, буду трудиться, чтобы этот последний час наступил как можно быстрее!

– Да здравствует наш любимый муадиб! – крикнул бомж.

– Да здравствует муадиб! – заорали мы в четыре глотки.

Пирожки доели.

Что было потом, вспоминается хуже...

Мир вспыхивал и переливался разноцветными красками. Лампы горели, как осколки солнца. Хотелось сделать что-то выдающееся – написать симфонию или совершить подвиг!

И мы заказали два литра крепкой настойки...

Кажется, пытались пить с роботом на брудершафт. При этом Васька называл его «Аллой» и нежно обнимал за станину. Дима танцевал стриптиз на барной стойке и чуть не раздавил розовых чёртиков – тех, что танцевали рядом. Мы с Бинком махали руками и спорили, кто первым долетит до потолка...

Выявить победителя не успели.

Потолок куда-то съехал вместе с крышей. И все оказались под тускнеющим вечерним небом.

Мы стояли посреди площади и пели гимн Хахира-97. Никто не знал ни единого слова, но мы очень старались и сочинили лишних десять куплетов.

Бомж сказал, что гарантирует нам своё покровительство – такие таланты не должны пропадать.

Тёмно-фиолетовое небо было вышито серебряным бисером. Оранжевые бегемоты порхали над городом.

В эту минуту мы твёрдо решили, что никуда не уедем с такой замечательной планеты.

Глава 5

Очнулся я от холода. Зевнул и перевернулся на другой бок. Лежать почему-то жёстко. Ну и постель – настоящий камень!

Я приоткрыл глаз и увидел, что не ошибся. Три тела покоились на выложенной гранитными плитами дорожке. Моё – было четвёртым. Яркая луна озаряла эту идиллическую картинку. Очень красиво. Но всё-таки холодно. И ещё было в этом что-то неправильное...

Я сам не знал, что. Тело отнюдь не возражало против горизонтального положения. Более того, настойчиво стремилось к нему вернуться.

Всё-таки разум взял верх. Я встал, выпрямился и сделал один шаг – как раз достаточно, чтобы помочь товарищу. Размахнулся и отвесил Ваське пинок под зад.

Лубенчиков повернул голову, пытливо глянул в небо и выругался матом.

Совместными усилиями разбудили остальных. В ушах звенело. Мысли были гулкими и неповоротливыми. Как мы здесь оказались? Зачем? Но главный вопрос – какого лешего Бинк надел на руки кроссовки Димы?!

Тут таилась мистическая загадка – вроде квадратуры круга или утроения ВВП. Для наших умов она была непосильна.

Оставалось одно – вернуть кроссовки Капустину. Усилиями двоих человек кое-как их зашнуровать. И уже втроём вернуть к жизни Бинка. То есть целиком это сделать не удалось. Разум капитана спал. Но подгоняемое тычками под рёбра его тело вновь стало осваивать прямохождение – само по себе, без всякого участия мозгов! Наверное, это было чудо похлеще телекинеза.

В ту минуту мы не смогли оценить грандиозность эксперимента. Казалось очевидным – куда-то надо идти! И мы двинулись, пошатываясь и распугивая ночных птиц.

Воздух заметно остывал. Звёзды казались ледяными штырьками, на которых крепился темный купол неба. Ветерок был уже пронизывающим. В тонких летних штанах и футболках мы остро чувствовали каждое его дуновение.

Но это помогало вернуть ясность ума. И двигались мы всё быстрее. Хотя направление по-прежнему выбирали интуитивно.

За чахлым сквером обнаружился перекресток пыльных улиц. Мы свернули налево.

Собственно, с тем же успехом можно было идти и направо.

Никакого отличия. Никаких особых ориентиров. Везде – те же самые приземистые куполообразные дома. А таблички с названиями улиц отсутствовали.

Одно утешало. Я твёрдо помнил, что городок – маленький. Куда-нибудь мы обязательно придём!

На втором перекрестке замешкались. Не по своей вине. Три здоровенные твари рылись в мусорной куче. При нашем появлении они развернулись и подняли крупные лобастые головы. Застыли, всматриваясь маленькими, хищными гляделками. Мы тоже оцепенели.

У меня в памяти всплыл термин «песчаные собаки».

Да, сходство с собаками действительно имелось. Хотя весьма отдалённое. Размером каждый из монстров был не меньше телёнка. Туловища – поджарые. Длинные, очень мускулистые лапы – с когтями и перепонками. А главное – приоткрытые широченные пасти с торчавшими наружу клыками...

Мы чуть попятились, отступая в тень ближайшего дома.

«Псы» глухо зарычали. И самый крупный из них прыгнул с мусорной кучи, сразу оказавшись в считанных шагах от нас.

– ...твою мать! – беззвучно выругался Капустин.

Мы медленно отступали. А чудище скалило зубы, приседая для второго прыжка. И тут произошло неожиданное. Влекомый под руки Бинк вдруг вырвался. Шагнул навстречу монстру.

Никто не успел среагировать. Только Васька издал приглушённый вопль ужаса. А Бинк хихикнул. И крепким армейским башмаком заехал твари прямоком в нижнюю челюсть.

Удар был такой силы, что «пёс» упал на спину. Но тут же вскочил.

Капустин запоздало потянулся к рукоятке бластера. Я выхватил плазменник.

Монстр тонко заскулил и метнулся прочь. Остальные два – поджали хвосты и умчались следом. Исчезли где-то за высоким дувалом.

Бинк, раскачиваясь, стоял ещё пару мгновений. Потом, как мёртвый, рухнул на песок. Мы испуганно бросились к нему. А хоббит перевернулся на другой бок и сладко зевнул.

Откуда-то из двора долетел визгливый старушечий голос:

– Бедные мои собачки... Эй вы, хулиганьё чёртово! Как не стыдно обижать животных?!

– Извините, бабуля, – заплетаясь языком, процедил Васька, – в следующий раз начнём с хозяйки!

Мы топали без роздыху ещё полчаса. А город и не думал кончаться.

Словно он был заколдованный.

Но вдруг мы опять увидели мусорную кучу. Подозрительно знакомую.

Минуты две внимательно её изучали. Обнаружили приметную консервную банку.

– Да, – задумчиво сказал Вася.

– Да, – согласился я.

И мы повернули назад.

Через какое-то время снова встретили «псов». Вероятно, это были те же самые. При виде Бинка они без лишнего шума нырнули в какую-то подворотню.

– Хм, – озвучил Капустин.

– Да, – согласился я.

И, пошатываясь, мы опять двинулись в путь.

Не знаю, сколько бы это ещё продолжалось.

За очередным поворотом нам навстречу возникла хрупкая фигура. В лунном свете угадывались знакомые черты.

– Привет! – на всякий случай поздоровался я.

– Привет, имбецилы, – печально вздохнула фигура.

– А вы не обознались? – удивился Лубенчиков.

– Э-э... А давайте спросим у неё дорогу, – предложил Капустин, человек с блестящим интеллектом.

– Не бойтесь, я вас провожу, – хмуро ответила Кэй-Ми.

Наверное, всем девушкам присущи особые способности к ориентированию. Мы вон целый час блуждали. А она – бац!.. и вывела нас на знакомую площадь.

То есть, кажется, раньше эта самая площадь уже мелькала за домами. Но мы-то думали, что это разные... И только сейчас узнали, что площадь тут одна!

В планировке явно просматривалась чуждая людскому разуму логика.

– Кто ж так строит! – вздохнул Васька, потрясённый открытием.

– Тёмные существа, – кивнул я.

Меньше чем через пять минут мы оказались в тепле.

Тут было относительно просторно. Хотя снаружи не догадаешься.

Крохотный куполообразный домик – только прихожая. Ещё одна дверь, лестница и за ней – подземный этаж в целых три небольших комнаты.

Все эти архитектурные подробности я улавливал быстро уплывающим сознанием. В тепле мысли опять начали путаться...

Мы четверо, не раздеваясь, осели на мягкий ковёр.

Уже сквозь сон я разобрал голоса.

– Может, давать им таблетки? – сказал Рах-Тан.

– Без толку, – сердито ответила Кэй-Ми, – пускай дрыхнут. Это лучшее лекарство...

Лодка покачивалась на волнах. Мы плыли по широкой реке, изо всех сил работая вёслами. Это было нелегко – вместо воды в реке был песок. «Можно озолотиться, – сказал Васька, – если продать его в Антарктиду!» – «На фига им песок?» – «Там же сплошной лёд, а дорожки посыпать нечем!» – «Глупости, – возразил Дима, – никто его не купит!» – «Это почему?» – «Потому, что полярники не ищут лёгких путей! А у пингвинов – туго с наличностью!»

Они ещё долго спорили. Я не слушал. Смотрел на Илгу, сидевшую впереди. Она была такая... такая прекрасная. Подмигнула мне. Я вскочил, чтоб обнять её. А она улыбнулась... и ткнула меня под рёбра:

– Да проснитесь же вы, болваны!

Голос был женский, но какой-то чужой. И крайне неприветливый.

Я открыл глаза.

Кэй-Ми трясла меня за плечо. А правой рукой хлопала по щеке Ваську. Это помогло. Он открыл глаза, расплылся в усмешке и поймал её за талию. В ответ Кэй-Ми двинула его кулаком. Не рассчитала сил и опять вырубилась до бессознательного состояния.

– Проклятье, – всхлипнула она.

– Ну, ты, – нахмурился я, – руки не распускай!

Она обернулась.

Я удивлённо моргнул. Сейчас наша «начальница» выглядела иначе... И это та самая холодная стерва?

Если не знать – согласишься, что девушке действительно требуется помощь. А может, она – талантливая актриса...

– В чём дело? – поморщился я.

– Рах-Тан куда-то пропал... И у наших дверей торчит странный тип, – сунула мне под нос экран карманного компа. – Вот, картинка с внешней камеры.

Я присмотрелся.

И свирепо стиснул зубы.

Я его узнал.

В памяти разом ожили события бурного вечера. Только теперь – без наркотического тумана.

Минеральная вода по пятьдесят кредов! Пирожки «Песня кочевника»! Гимн Хахира-97 в четырнадцать куплетов!

Со стороны дверей донёсся стук. Этому наглецу ещё мало!

Ладно, я тебе покажу пирожки со шмайсом!

Решительно поднялся.

– Ты куда? – вздрогнула Кэй-Ми.

– Спокойно. Сейчас разберусь с проходимцем!

– Не надо. Вдруг... он не один. Пора уходить! Тут есть запасной выход...

– Ещё чего! Драпать из-за него?!

Я уверенно отстранил её с дороги. Кэй-Ми торопливо сунула мне в руку бластер. Я хмыкнул, поднялся лестницей и шагнул в прихожую.

Тут темно. Я замер, вслушиваясь.

В наружную, стальную дверь опять постучали. Не слишком громко. Зато настойчиво. Я криво усмехнулся и распахнул дверь.

– Мир и благополучию... – успел пробормотать бомж. Дальше фраза оборвалась, потому что я втащил его внутрь.

Лязгнул замком.

Сгрёб костюм-балахон гостя и подтянул вместе с содержимым ближе к свету.

– Ну? – мрачно спросил, упирая бластер гостю в живот.

Нищий выдавил улыбку:

– Меня зовут Ер-Кис. Вы меня помните?

– Ещё бы! – осклабился я в ответ. Повернулся к Бинку, который сидел у подножия лестницы. – Эй, ну-ка проверь свои карманы!

Хоббит недоумённо моргнул. До сих пор он молча наблюдал за нами снизу. Кажется, толком не очухался. Медленно стал ощупывать комбинезон. И окончательно пришёл в себя, когда сделал неприятное открытие:

– Ульфакские куцелопы! Кредитка пропала! То есть... обе! И наличность!

Я кивнул. Ласково глянул на Ер-Киса.

Тот слегка поёжился и непонимающе развёл руками – насколько это позволяла моя крепкая хватка.

А стремительно вспоминавший Бинк резко встал и шагнул к лестнице. Его лицо не обещало ничего доброго. Зато – очень много плохого.

Если бы нищий был экстрасенсом, он, несомненно, разглядел бы вокруг лохматой башки хоббита тёмную ауру. Таковую, что даже Дарту Вейдеру не снилась. Конечно, у того ведь никто не тырил кредитки!

– Мир и благополучие... – пролепетал Ер-Кис.

– Уже виделись! – сказал Бинк, размеренным командорским шагом поднимаясь по лестнице.

Тут к бомжу снизошло озарение.

– А я... я вот... шёл и увидел... это не вы обронули? – достал из кармана два цветных прямоугольника.

Хоббит схватил карточки, повертел в пальцах и спрятал их в комбинезон. Ледяным тоном поинтересовался:

– А наличные? Сорок пять галактических кредитов!

– Не было наличных, – фальшиво улыбнулся Ер-Кис. – Наверное, кто-то до меня поднял...

Крепкая рука Бинка потянулась к бороде гостя. Я успел пресечь это опасное движение. Меня терзала какая-то неправильность происходящего. Не для того же Ер-Кис сюда явился, чтобы возвращать «утраченные» кредитки. Я дипломатично кашлянул:

– Простите моего друга – он взволнован... Поверьте, лучше не испытывать его терпения. И сразу ответить... Какого хрена ты сюда притащился?!

Ер-Кис с достоинством выдержал паузу и объявил:

– Хотел предупредить своих добрых знакомых.

– А это кто такие? – недоумевающе моргнул Бинк. И с подозрением завертел головой.

– ...Но, вероятно, я ошибся адресом, – вздохнул бомж.

Ого, какой обидчивый. У него хватает наглости испытывать наши нервы!

– О чём предупредить?! – встряхнул я его за плечо.

– Ар-Махх – маленький городок. Здесь все на виду. Вы вот вчера явились. А сегодня ночью на флаерах ещё прилетели гости. Тоже не местные...

– А нам какое дело?

– Никакого. Человек тридцать их. Все вооружены. И с ними отморозок Коготь.

– Что им надо?

– Боги ведают. Только, кажется, часть собиралась идти к пирсу. Вы ведь там яхту оставили?

Мы с Бинком переглянулись. Неужели Имперская Безопасность так быстро нас вычислила?

Кэй-Ми зябко передёрнула плечами:

– Теперь понятно. Рах-Тану показалось, что кто-то лазит вокруг «Тушканчика». И он ушёл проверить...

– Ты с ним пыталась связаться?

– Его коммуникатор не отвечает.

Бинк хмуро кивнул:

– Они знают, что без яхты мы из города не выберемся.

– Думаешь, они будут нас ждать? – прищурился я.

Хоббит смерил Ер-Киса пронзительным взглядом:

– Что это за типы – ты рассмотрел?

Нищий скорчил сомневающуюся гримасу:

– Там темно было. Но я думаю – такие же отморозки, как Коготь. За пару кредов – на ремни порвут.

– Значит, терпения у них может не хватить...

– Уходим, – твёрдо сказала Кэй-Ми.

– Куда? Пешком в пустыню?

– Если хочешь, можешь остаться, – процедила девушка. Те самые, металлические нотки уже вернулись в её голос. Не обращая внимания на хоббита, она торопливо стала запихивать в рюкзаки бутылки с водой.

Я хмуро следил за её приготовлениями.

Большая часть наших пожитков осталась на яхте. Запасов хватит ненадолго.

– Сколько отсюда до ближайшего города?

– Четыреста шестьдесят километров, – ответила Кэй-Ми.

Бинк присвистнул. А она уточнила:

– Но сперва мы заглянем в одно место...

Я выпустил Ер-Киса:

– Проваливай отсюда!

– И никакой благодарности? – искренне удивился он. Бинк ответил хриплым ругательством – поднял карманный комп девушки и сунул под нос бомжу:

– Пускай эти тебя благодарят!

Дьявол! На экране какие-то тёмные фигуры уверенно и профессионально окружали наш дом.

Я спрыгнул по ступеням, начал приводить в чувство Диму и Ваську. Бинк застыл, мрачно поглаживал рукоятку бластера в кобуре:

– Опоздали!

– Тут есть второй выход, – напомнила Кэй-Ми. – Держи! – протянула мне набитый рюкзак и бросилась в соседнюю комнату. Начала отдирать со стены тяжёлый цветастый ковёр.

– А, собственно... куда спешим? – пробормотал Дима, недоумевающе хлопая ресницами.

– Мы не спешим... – уточнил я. – Мы линияем отсюда!

Разобрав ключевое слово, Васька очнулся. Резво встал и спросил:

– Куда?

– Туда! – махнул я рукой, вручая ему второй рюкзак.

Кэй-Ми успешно справилась с ковром. Под ним оказалась массивная деревянная дверь. Я прикинул в уме – нижний этаж метра на три углублён в почву. В какое подземелье мы отсюда выберемся?

Но задавать вопросы не было времени. Вдвоём с Васькой мы сдвинули тронутый ржавчиной засов. Дёрнули массивную ручку, распахнули. Впереди была тьма. Ощутимо повеяло затхлостью.

Кэй-Ми посветила фонариком. За дверью виднелся низкий туннель. Кончавшийся тупиком – горой мелкого камня и песка.

– Приехали... – выдавил Дима.

– Чепуха, – твердо отрезала девушка, – выход совсем рядом!

Надвинула респиратор, ночные очки и с заразной уверенностью стала разгребать песок. Мы кинулись ей помогать.

Спустя минуту прохладный воздух ворвался внутрь.

Кэй-Ми первая поползла через узкое отверстие – почти нору.

Откуда-то сверху донеслись странные звуки.

Бинк глянул на экранчик карманного компа. Тот уже ни хрена показывал. Кто-то вырубил нашу камеру слежения.

Ползком через «крысиную нору». Дальше съехать вниз по склону.

Мы – в заваленном мусором овраге.

Ветер нёс обрывки пластиковых пакетов. Сквозь ночные очки хорошо видны горы закаменелых бытовых отходов, припорошенные песком ржавые остовы каких-то механизмов...

Тут никого.

Только со стороны дома – приглушённая возня. Кажется, там включили плазменный резак. Входная дверь долго не продержится.

Кто-то наверху мечтает плотно с нами пообщаться...

Я завертел головой.

Здесь в овраге не спрячешься. Сверху мы – как на ладони. Надо отсюда выбираться. Если лезть вон там, правее – можно по-пластунски до ближайшего дома. Авось не заметят...

Но Кэй-Ми решительно двинулась влево. Туда, где овраг упирался в отвесную скалу.

Блин, если она думает, что мы альпинисты, – будет жаль её разочаровывать...

– Здесь, – шепнула девушка. Протиснулась между кучей мусора и нависавшей сверху ржавой арматурой. И куда-то исчезла – будто растворилась в тени.

Мы чуть замешкались.

Кое-как протиснулись следом. И обнаружили тёмное круглое отверстие.

Я присмотрелся. Да это же труба. Достаточно широкая, чтобы, согнувшись, по ней перемещаться.

А ещё оттуда чем-то воняло. Нет, не канализацией. Запах был чужой, резкий. Неземной. В общем, лезть внутрь категорически не хотелось.

Дима скривился.

Из трубы донёсся шорох. Сердитое сопение. Если бы Кэй-Ми не боялась шуметь, она бы уже крыла нас почём зря.

Я кисло усмехнулся и первым полез в трубу.

Повеяло сыростью.

Когда-то здесь бежала вода?

Вероятно. Местный ручеек тоже спускается с гор. Раньше тут могло иметься что-то вроде водопровода. И овраг был вовсе не оврагом, а маленьким искусственным озерцом...

Много песка с тех пор нанесло – кажется, так должна гласить здешняя поговорка.

Песок здесь точно был. А ещё какие-то неприятные наросты на стенках. Разок я нечаянно задел их рукой. И они зашевелились!

Мать твою!

Я пригнулся ещё больше и ускорил шаг.

Труба сделала изгиб.

У поворота обнаружилась «командирша».

– Где вы там застряли? – донёлся сердитый шёпот Кэй-Ми.

Угу. Только этого не хватало. Застрять.

«Туннель», через который мы движемся, ощутимо сужается. Всё больше песка и уже зазор.

А сзади – какие-то неприятные звуки. Скрежет металла. Кажется, «гости» уже вошли в дом. Потайную дверь мы замаскировали ковром. Но отыскать её будет не трудно...

Ещё один изгиб.

– Дьяволы и боги! – сдавленное бормотание Кэй-Ми. Она замирает, куда-то всматриваясь.

Я протискиваюсь рядом. И тоже могу видеть.

Асбоцементная (или какая она на самом деле?) труба неровно обломана. Впереди большая пещера. Второй конец трубы маячит в дальнем её конце. Но чтобы туда добраться, надо перепрыгнуть бездонный (дна не видать даже сквозь ночные очки) провал. А главное – взойти по неровному склону, сплошь усеянному крупными бесформенными наростами...

Я шурю. И вдруг понимаю.

Наросты – это ведь не причудливые натёки известняка.

Блин!

Они едва заметно вздымаются и опадают. Словно дышат...

– Что за хрень? – спрашивает Васька, просовывая голову над моим плечом.

– Гморлы, – шепчет Кэй-Ми.

– Они живые?

Девушка не отвечает. Только молча стискивает зубы.

Название абсолютно незнакомое. Но отчего-то пробегает по спине холодок. И наша «командирша» безнадежно выдыхает:

– Здесь мы не пройдем...

Бинк тихо ругается.

– А если на фиг прожечь дорогу? – спрашивает Васька.

– Чем? У нас – бластеры, а не корабельные излучатели...

– Значит... топаем назад?

– Тс-с, – шепчет Дима.

Мы замираем. И отчетливо слышим скрип песчинок под чужими подошвами. Кто-то уже идёт за нами по трубе.

Возвращаться – поздно. И вообще – плохая примета...

Мы вскидываем оружие.

Сероватым пятнышком возникает на стенках отсвет фонарика...

Стоп.

Экипированы они явно не хуже нашего. И уж, конечно, запаслись ночными очками.

На кой ляд им фонарик?

Я облизываю высохшие губы. Палец дрожит на спусковой клавише...

В это мгновение из-за поворота трубы возникает сутуловатая фигура в неуклюжем балахоне.

– Дубина! – озвучил хоббит, когда Ер-Кис приблизился. – Мы ведь тебя чуть не угрохали!

Бомж виновато улыбнулся:

– А куда ж мне? Они поймут, что я вас предупредил...

– Кому ты нужен...

– Вам. Могу быть проводником. Могу – переводчиком и юридическим консультантом.

Если у вас проблемы с законом...

– Пока что у нас с тобой проблемы, – буркнул Дима.

– Я недорого беру, – успокоил Ер-Кис, – только пятьдесят кредитов в месяц. Конечно, еда и ночлег – за ваш счёт.

– Ну, спасибо, – процедил Бинк.

– Тогда вперёд! – обрадовался нищий.

– Назад... – буркнула Кэй-Ми.

– Э-э, зачем назад? – вздрогнул Ер-Кис. – Боюсь, они видели, как я шёл по оврагу...

Будто в подтверждение его слов, откуда-то из темного горла трубы донеслись неясные шорохи. Едва различимые, осторожные... Словно тарантул двигался по уютной норке.

Я погасил фонарик Ер-Киса.

Вытягиваясь лицом, он прошептал:

– Чего стоим? Уходим...

– Куда? – Кэй-Ми взяла его за воротник и подтащила к обломанному концу трубы. Выхватила из его руки фонарик и посветила внутрь пещеры.

– Да... – выдохнул он, моргая. – Но всё не так плохо.

– То есть?

– Гморлы теперь в спячке. До самого влажного сезона.

Кэй-Ми хмуро качнула головой:

– Они быстро просыпаются. И после спячки у них отменный аппетит.

– Я знаю, – поёжился Ер-Кис. – Но... секунд двадцать у нас будет.

– Откуда ты знаешь?

– Давно тут кантуюсь. Успел повидать...

Мы замерли, рассматривая бесформенные комки на склоне. Они казались безобидными. Но от мысли, что придётся ступать по их зыбким, шершавым бокам, становилось дурно.

Вдруг вспомнилась поездка на «Тушканчике». И огромные жвалы червя, едва не протаранившие яхту...

Дружелюбная фауна? Угу.

Я замер, вслушиваясь. Шорохи приближались. Наверное, подходят к первому изгибу трубы.

Может, проще принять бой? В узком зазоре «туннеля» численный перевес не так важен. Конечно, если враг без генератора защитного поля...

– Иду первым, – тихо объявил Ер-Кис.

И соскочил с обломанного конца трубы. На широкий плоский камень.

Ещё один прыжок. Бездонный провал остался позади.

Ер-Кис балансирует на остром скальном выступе. Будто сомневается. И наконец делает шаг вперёд.

Раз-два, прыг-скок!
Вот он уже забирается в «водопроводную» трубу.
Получилось. И, значит, у нас – меньше двадцати секунд!
Кэй-Ми соскакивает на камень. Пока мы один за другим выбираемся из трубы, девушка успевает одолеть провал.
Легко взбегают по склону. Она и сама лёгкая... Шершавые бока гморлов едва проминаются под её ботинками.
Мы четверо почти синхронно перемахиваем провал.
А она уже наверху.
Всё в порядке.
Только тёмные «наросты» начинают тускло светиться. Их «дыхание» теперь несложно заметить...
– Давайте! – Ер-Кис отчаянно машет рукой.
Вперёд!
Не смотреть вниз!
Не замечать пружинистой плоти у себя под ногами. Не обращать внимания на отвратительные чавкающие звуки!
Длинный прыжок и вот рядом – спасительный край трубы.
Я хватаюсь за него.
Но что-то не пускает. Тащит меня назад!
Оглядываюсь. Толстая, как пожарный шланг, змея острыми зубами впилась в мою подошву. Ещё несколько – тянутся ко мне.
Я успеваю различить симметричный узор на их маслянисто-блестящей шкуре. Успеваю понять, что у них нет глаз. Скорее, щупальца, а не «змеи». Как жуткие цветы на грядке, они растут из одного «куста»...
Выстрел. И толстая «шея» разлетается пополам.
Бинк за куртку подтягивает меня вверх. Я внутри трубы. Вместе с куском гморла, пытающимся разжевать мою подмётку.
Кэй-Ми стреляет в него. Но укоротившаяся «змея» остаётся живой. Васька врубает плазменный резак и удаляет её вместе с изрядным куском моей подошвы.
Бинк и Ер-Кис уже помогли вскарабкаться Диме.
Теперь все наверху. Но сердце колотится, и ужас не отпускает.
Там, внизу, будто хищное болото колыхнется. Болото, на котором растут мясистые, жадные стебли-щупальца. А вместо цветков – зубастые пасти...
Твари!
Я скидываю оружие.
– Не надо, – останавливает меня Бинк, – на фиг портить такую идиллическую картину...
– Угу, – сухо киваю.
Правда, глупо.
Растите, «цветочки». Пусть другие – те, кто нас гонит, – тоже вами наслаждаются.

Глава 6

Мы ускорили шаг.

Сумрак трубы казался бесконечным.

Кажется, нам удалось оторваться от погони. Весь вопрос, что за сюрпризы ждут впереди?

Я сверлил спину Кэй-Ми хмурым взглядом: блин, неужели ради такого мы драпали с Киагры?

Она будто ощутила и прошептала:

– У меня есть запасной вариант. Очень надёжный...

– Спасибо! – свирепо поблагодарил Васька. – Кажется, ты предлагала нам заняться охотой на червей? Думаю, это будет куда безопаснее!

Кэй-Ми оглянулась. Сейчас её респиратор болтался на шее, и я видел хмурую улыбку на её губах.

– Боюсь, вы не всё осознали...

– Осознали и прониклись, – успокоил Дима.

– Да, – кивнул я, – культурная программа была весьма насыщенной. Местными красотоми мы тоже полюбовались. Но... хватит с нас ярких впечатлений!

Кэй-Ми ничего не ответила.

Она двигалась уверенно – словно выход где-то близко.

Труба тут чище – наростов почти нет. И девушка могла идти не пригибаясь.

«Ну, чего молчишь? – подумал я с раздражением.

Давай, уговаривай нас!

Обещай кучу неприятностей!

Это сильно действует на избалованных комфортом и охреневших от безделья. Только сейчас обстановка слегка изменилась...

Что ты ещё придумаешь?»

Мы ждали. А продолжения разговора не было. И Васька хмуро подвёл итог:

– Да, лучше б я в Чугуеве тампаксами торговал!

Когда терпение почти оборвалось, труба всё-таки куда-то привела.

Помещение с низким потолком, щедро украшенное плесенью.

Тут даже была вода – сочилась из трещин в стене и уходила в трещины на полу.

Из дальнего конца комнаты тёмными отверстиями глядели две трубы куда меньшего диаметра.

– Многовато я съел пирожков, – огорчился Дима.

– Нам не туда, – успокоила Кэй-Ми. Смахнула толстый слой мха и плесени, и мы увидели вделанные в камень проржавелые скобы. Лесенка вверх!

А над ней в потолке обнаружился люк, заделанный решёткой.

Для плазменных резаков – плёвое дело.

Спустя минуту мы уже взбирались по лесенке. И про себя молились, чтобы выдержали изъеденные коррозией перекладки. Шахта тянулась вверх не меньше чем на двадцать метров.

Там, над нами, были похожая комната и лестница.

В этот раз подъём оказался ещё длиннее.

– Не кочегары мы, не плотники... – вполголоса, фальшиво затянул подо мной Васька. – Но сожалений горьких нет. А мы монтажники-высотники!...

Я с трудом поборол желание наступить ему на руку. А лучше – сразу на больное место, то есть на голову.

Всё!

Подтянуться за поручни и вылезти из шахты.

Оглянуться по сторонам. Расслабиться. Хватануть спёртого воздуха, чихнуть и опять надвинуть респиратор.

Что за место? Туннель, вырубленный в скале. Достаточно просторный, чтоб идти по двое и не пригибаться.

Кэй-Ми свернула направо. Ещё и ускорила шаг.

Теперь мы почти бежали.

Иногда вдоль туннеля попадались двери со всякими техническими надписями.

– Что здесь было раньше? – спросил Лубенчиков у Ер-Киса.

– Кажется... энергостанция, – выдохнул тот, не сбавляя шага. – Но она закрылась ещё лет тридцать назад!

– Правильно, – оглянулась Кэй-Ми, – её давно законсервировали. Заварили все двери и входы залили бетоном.

– Не понял... – удивился Васька.

– И чего ж мы тогда торопимся? – с возмущением спросил Дима. – Всё равно ведь в ловушке!

Кэй-Ми кивнула:

– Будем надеяться – они тоже так думают.

За поворотом туннеля обнаружилась приоткрытая дверь.

«Командирша» без колебаний распахнула её.

Внутри – какие-то шкафы, покрытые пылью и застарелой паутиной. Ничего интересного. Если не считать обвалившегося куска потолка.

Трещины тянулись и по стенам. Большая гора обломков насыпана в углу.

Кэй-Ми ловко по ним вскарабкалась. Подтянулась и исчезла в отверстии на потолке.

Мы замешкались.

Это вам не туннелями разгуливать... Камни тут сами собой падают. Если что – готовая могила в толще скалы.

Бинк, хранивший молчание от самой встречи с гморлами, обвёл нас тяжелым взглядом:

– Чего тормозим? – и первым полез в дыру.

Сверху сыплются на голову мелкие камешки.

Но это пустяки.

Самое неприятное – ощущение, что острые края узкого прохода вот-вот сдвинутся. Никогда не понимал спелеологов...

Камень предательски выскальзывает из-под ноги. Пот липким ручьём стекает за воротник.

Все восхождения по ржавым лестницам – детская забава!

Мягкие и широкие, в принципе удобные лямки рюкзака начинают давить, железными полосами впиваться в плечи.

На пару мгновений я прислоняюсь к шершавой стенке и перевожу дух. Утираю влажный лоб. Лишь очки каким-то чудом не запотевают. Наверное, что-то там предусмотрено в их диковинном устройстве.

Ваське уже не до песен. Только пыхтение доносится снизу...

Минуты текут – вязкие, как смола...

Сколько времени кануло в подсвеченный инопланетной электроникой сумрак? Пол-часа или больше? А может, вечность?

Удары сердца – единственный хронометр.

Когда вижу над собой окутанный ярким ореолом край скалы – я даже не сразу понимаю...

Относительно ровная площадка – на склоне, обращённом к пустыне. Город – где-то за спиной, по тот бок каменной толщи.

Мы содрали с себя очки. Без них картина оказалась не такой сияющей. Зато различались все цвета.

Пустыня встречала восход.

Длинные тени барханов становились прозрачными. Вдоль горизонта легла розовая полоса. Единственное крохотное облачко было перламутровым. И лишь в зените, на голубом бархате теплились золотые капельки ярких звёзд.

Пару минут мы просто сидели.

Пили воду. Наслаждались покоем и тишиной.

Потом Кэй-Ми нашла силы, чтобы встать:

– Хватит... Идём!

Мы вскарабкались по едва заметным выступам.

Ничего сложного. Если вниз не смотреть...

Забрались на карниз, огибающий одну из вершин. И нырнули в узкую расщелину.

Кэй-Ми разгребла слой камней, откинула коричневатую, под цвет горы плёнку.

– Продукты и оружие, – усмехнулся Бинк. – А ты запасливая девушка...

– Есть ещё вода.

– Неужели никто не видел, когда ты всё это таскала?

– Я прилетала на флаере.

– Опять его вызовешь?

– Нет.

– И что, нам теперь вниз ползти? – испугался Васька.

– Зачем. Есть вот это, – она извлекла из угла расщелины большой свёрток. Развернула.

Внутри были диковинные жилеты с ребристой, как у «лимонки», поверхностью.

– Лингеры, – кивнул Бинк. – Армейская модель. Сколько их?

– Хватит на всех. Надевайте!

Мы торопливо стали напяливать обновку. Когда-то уже имели дело с чем-то подобным.

Хотя опыт и не назовёшь приятным...

Кэй-Ми провела краткий инструктаж.

– Всё понятно?

– Угу, – кивнул я. Переглянулся с товарищами и добавил: – Ну, счастливого пути!

Она оцепенела.

– Расходятся наши дорожки, – подтвердил Васька. – Обещаю писать письма!

Она смерила нас яростным взглядом. Но сквозь ярость угадывалось отчаяние. Непослушными губами выдавила:

– Тут близко. Можно часа за три добраться...

Я качнул головой:

– Извини. Танцевать под твою дудку мы не будем.

– Нет смысла, – кивнул Бинк. – Во всяком случае, риска ничуть не меньше.

– У вас нет выхода, – пробормотала Кэй-Ми.

– Да ну? И как ты нас заставишь? Вызовешь на подмогу своих личных головорезов?

Она отвернулась. Хмуро выдавила:

– У меня никого нет... Кроме вас. А головорезы – они сейчас по нашему следу идут... Повисло молчание.

И первым его нарушил Васька:

– Зря, милая. Бесполезно давить на жалость. Мы вышли из игры. Конечно... если хочешь, можем и тебя прихватить с собой.

Она засмеялась – не слишком весело:

– Спасибо, мальчики... Но игра только начинается. Особенно для вас.

– Что ты имеешь в виду? – прищурился Бинк.

– Думаете, они за мной гонятся? Фигушки. Они идут за вами!

– Врёшь. Имперская Безопасность не могла так быстро нас вычислить. Нуль-транс невозможно отследить!

– Мы в этой дыре – меньше суток, – кивнул Лубенчиков, – на кой ляд мы кому сдались?

– А на кой ляд вы мне сдались? Я что, ради красивых глаз выдёргивала вас аж из Киа-гры?!

– Односторонний подход, – обиделся Васька. – У нас, между прочим, – не только глаза. У нас и остальное – вполне!

Говорил он с такой убеждённостью, что я обеспокоился: вдруг он немедленно начнёт доказывать свою правоту?

А Кэй-Ми лишь обидно хмыкнула.

Я глянул на Бинка. Тот казался мрачнее тучи.

В словах девушки имелся резон. Изнанка событий, о которой мы догадывались. Но которую сами боялись озвучить.

Я спросил:

– Зачем мы нужны этим уродам?

Она пожала плечами:

– Чтобы войти в гробницу. И вынести оттуда Око Зари.

– Вообще-то... мы не специалисты по гробницам.

– Это вам кажется, – усмехнулась Кэй-Ми.

Стала объяснять. И чем больше говорила, тем сильнее хмурился Бинк.

– Всё? – спросил он, когда девушка замолчала.

– В общих чертах.

– Это интересно. Но, знаешь... мы сделаем по-своему. Планета – большая...

– Надеетесь отсидеться? Зря. Они будут вас искать. Планета, правда, немаленькая – но мест, пригодных для выживания, – не так много.

– Да? – сердито прищурился Бинк. – Но тебя ведь ждёт корабль? Вдруг у него сменится капитан...

– Корабль – на орбите. И он не спустится, пока его хозяева не убедятся, что Око Зари в моих руках.

Кэй-Ми глянула на алый край солнца, заново рождавшегося над пустыней. Сухо добавила:

– Вам все равно придётся найти Око. Для меня... или для тех, кто идёт по вашему следу.

– Богатый выбор, – криво усмехнулся Дима.

Она кивнула:

– Решайте сами.

Глава 7

Разные люди живут во Вселенной. Твердые и хладнокровные. Разумные и не очень... А бывают – чувствительные. Остро переживающие несправедливость мира. И откровенно высказывающие всё, что они об этом мире думают.

Нет, они не подставляют вторую щеку. Они сразу бьют в челюсть. Так устроена их тонкая натура!

И худо, если морду бить некому. Тогда... их светлая энергия выплёскивается на окружающих.

Они не могут смириться. Они должны действовать. Изменять себя или мир. И хорошо, если мир отделяется ушибами и синяками...

Членовредительство вообще у них в крови.

– А-а! – заорал Лубенчиков и вниз головой сиганул со скалы.

Мы постояли у обрыва. Надо было сказать что-то подходящее моменту. И Бинк озвучил:

– Идиот.

– Угу...

Нам тоже пора. Нет, прыгать следом я не собирался. К чему эта дешёвая рисовка? Я раскинул руки, поднял их ладонями вверх и вознёсся над обрывом.

Утренние лучи озарили моё лицо. Ветер шевелил волосы. Праздничный купол неба казался совсем близким.

Только я туда не спешил.

Повернул ладони. Лингер уловил жест. Что-то там ещё прочёл из моих мозгов – бог его ведаёт, как это работает. Главное, чтоб работало...

Траектория полёта вильнула, изогнулась дугой, закрутилась штопором – земля и небо пару раз поменялись местами.

Чёрт!

Обманчивая штука – восприятие. Сознание не хочет верить новому. И тебе кажется, что ты падаешь. Даже когда летишь...

Надо аккуратнее.

Я выровнял полёт и взял курс на фигурку Кэй-Ми. Она нас обогнала. Крохотной соринкой мчалась над пустыней – метрах в пятидесяти от барханов.

Ниже – рискованно.

Песок только кажется безжизненным. У тех, кто под ним обитает, до предела развито осязание. Они вполне могут среагировать даже на колебания воздуха. А лишний раз встречаться с местной фауной – себе дороже...

Ветер бил в лицо. Очки пришлось надвинуть. И респиратор – иначе трудно дышать.

Вообще-то лингер может создавать защитное поле. Тогда набегающий поток заметно гасится. Но эту опцию пришлось отключить.

Энергию надо экономить!

Я догнал Ваську. Тот от души тренировался с лингером. Вертелся волчком. Взлетал и падал... Этот балбес вообще не вспоминал про энергосбережение.

Пришлось поймать его за ногу.

Он удивлённо сдвинул респиратор:

– Ты чего? – заорал сквозь порывы ветра.

– Сдохнут аккумуляторы – будешь бежать пешком!

– Фигня! «Командирша» сама говорила – тут три часа лёта. А у нас запас хода – на сутки!

Блин, откуда у этого мордоворота – такая детская непосредственность?

Под нами – бескрайняя пустыня. Где-то за спиной – погоня... А он кувыркается, словно на аттракционе.

– Хочу в совершенстве овладеть новой техникой!

Опять сиганул вверх.

Нет, с ним нельзя серьёзно разговаривать. А я как раз хотел поделиться сомнениями...

Око Зари – обыкновенный, пусть и очень редкий бриллиант?

Чёрта с два!

Кэй-Ми не сказала всей правды.

Помнится, однажды мы с Васькой использовали такую же редкую и мелкую фиговину. Тогда удачно вышло. Если бы нет, нас бы уже не было – ни здесь, ни вообще...

Драгоценность та штука мало напоминала.

Тут важно, где она нам досталась!

Кто-то поймал меня за плечо.

Я удивлённо дёрнулся.

Ер-Кис что-то заорал, пытаюсь перекричать усилившийся ветер.

Ни хрена не слышно. А передатчики включать нельзя – чтоб не засветиться в эфире...

Он махнул рукой, указывая вперёд.

Что ему надо?

Ни хрена особенного там, впереди, не видать. Те же барханы. Лишь у горизонта темнеют горы...

Всю дорогу, от самой встречи с гморлами Ер-Кис дипломатично помалкивал, стараясь не привлекать внимания. А тут вдруг развыступался...

Уточнить я не успел. Бомж довольно ловко метнулся в воздухе. И теперь что-то пытался объяснить Кэй-Ми.

Она отрицательно замотала головой.

Ер-Кис продолжал настаивать.

Тьфу, о чём же он толкует?

Я крутанул ладонью, набирая скорость. Так, что уши заложило.

В одно мгновение оказался с Кэй-Ми рядом. И уловил обрывок фразы нищего:

– ...скоро начнётся!

– Что начнётся? – дёрнул его за рукав.

– Буря!

– Мы успеем! – приблизила лицо девушка. – Я смотрела климатические карты...

– Прогнозы не дают гарантии! – возразил Ер-Кис.

– Глупости! Метеоспутники подтверждают... Сильных атмосферных возмущений в этом районе не ожидается. Ещё трое суток...

– Ветер усиливается!

– Вполне терпимо. Я рассчитала. Даже при шквалах – мощности хватит. Перерасход энергии – не более тридцати процентов...

– Речь не об энергии! – лопнуло терпение у Ер-Киса. От его привычной вежливости не осталось следов. Он бесцеремонно схватил «командиршу» за плечо:

– Туда смотри!

Она сердито что-то буркнула. И тогда Ер-Кис содрал с неё очки.

Кэй-Ми двинула его локтем – так, что нищий кувыркнулся в воздухе. Наверное, ему бы худо пришлось. Если бы рядом не возник Бинк.

– Тормози! – заорал, перекрывая их ругань. Но потасовка и так замедлила наш ход.
– Да гляньте вы своими глазами! – воскликнул Ер-Кис.

Я сдвинул очки. И понял, что он – прав.

Оттенки и полутона... Без цифровых преобразователей, всё куда очевиднее. То самое безмятежное перламутровое облачко наливается недоброй желтизной. Цветом песка.

С каждым мгновением облачко заметно вырастает, ширится над полоской гор. И едва уловимые, туманные полосы уже тянутся от него к земле...

Мы повернули влево. Туда, где чернела каменистая гряда.

Кэй-Ми летела за нами. И сердито твердила:

– Это локальное возмущение! Мы сумеем обойти его по краю...

– Если обходить – то десятой дорогой, – отозвался Ер-Кис. – И лучше сейчас быть на земле.

– Что ты вообще понимаешь?! Мелкий уголовник! Попрошайка!

– Грубо и несправедливо, – обиделся нищий. – Да я, между прочим... специалист широкой квалификации! Способный находить... нестандартные решения финансовых проблем!

– Что да, то да, – поморщился Бинк. – Этого у него не отнять! И есть ещё одно, важное достоинство.

– Какое? – свирепо прищурилась Кэй-Ми.

– Он – местный.

Солнце уходило в пелену.

Облако уже выросло в огромную, заслонившую полнеба тучу. Исчезла в непроглядной дымке цепь гор. Только по левую руку, над скалами Арр-Маха, ещё празднично глядела ясная синева.

– Не успеем, – мрачно сказал Васька.

Я не мог точно его расслышать. Но догадаться несложно.

Теперь мы шли на максимальной скорости. А туча надвигалась ещё быстрее...

Я опять покосился в сторону Арр-Маха.

Если бы повернуть туда – можно отсидеться в укрытой от всех бурь долине. Только в город нам путь заказан...

Я моргнул и протёр окуляры. Что это там чернеет на фоне пятна ясного неба?

Крохотная точка.

Я поравнялся с Бинком, хлопнул его по плечу. Махнул, указывая влево.

Он всмотрелся и крутанул что-то в своих очках.

Тьфу, я – тупой. Мог бы сам вспомнить – там же есть функция увеличения! Это ведь цифровая техника!

Да, точно, вот этот рычажок – нажать и повернуть.

Теперь можно разглядеть...

Мать вашу!

Тяжелый флаер. И мчится он – нам наперерез.

Бинк сдирает респиратор:

– Все вниз! Сбрасывай скорость!

Глотка у него лужёная. Так что даже Васька понимает.

Мы снижаемся. И каменная гряда впереди укрывает нас от флаера.

Зависаем в трёх метрах над песком. Хоббит кратко обрисовывает ситуацию.

– Думаешь, это за нами? – хмурится Дима.

– Я не верю в совпадения.

– Оторвёмся! – решительно заявляет Васька.

Бинк качает головой:

– У нас – лингеры, а не нуль-трансы.

– Пусть ещё попробуют нас взять. Пустыня большая!

Дима хмурится. Я тоже понимаю – Васька зря горячится.

Где тут укроешься? Разве что сразу нырнуть в брюхо червя. Там – точно никто не найдёт...

– А может, врассыпную? – предлагает Ер-Кис.

Васька ёжится. Хорошенькая перспектива в одиночку кружить над песками, пока не сядут аккумуляторы. А если включим передатчики – тут нас и возьмут тёпленькими, одного за другим!

Бинк оглядывается на тучу. Она – уже мутно-фиолетовая, искры молний озаряют её толщу. А внизу – свинцовые клубы вертятся, как живые...

Хоббит кривит губы в усмешке. Кивает в сторону гряды:

– Попробуем отсидеться. Вдруг нас ещё не заметили...

Мы приземлились среди обточенных временем уступов.

Хорошо бы найти пещеру... Но некогда.

Обнаружили что-то вроде каменного навеса. Втиснулись под него в узкую расщелину. Прикрылись маскировочной плёнкой...

Небо быстро темнело. Утро уже превратилось в сумерки. Над барханами бежала песчаная позёмка.

Отсюда хорошо видны подступы к гряде. А нас – не очень. Может, пронесёт?

Поглаживая рукоятку бластера, я отчаянно вспоминал: сколько человек помещается в тяжёлый флаер?..

Бинк выругался. Кэй-Ми прикусила губу. И я понял, что скоро сам узнаю грузоподъёмность долбаной таратайки.

Обтекаемый силуэт неумолимо пронзал тонкие струйки мелких смерчей. Шквальные порывы к чёртовой матери унесли нашу маскировочную плёнку, но не могли повредить флаеру...

Из откинутого колпака кабины посыпались фигурки. И, разлетаясь веером, полетели в нашу сторону.

– Рвём когти! – крикнул Васька.

– Нет! – отчаянно взмолился Ер-Кис. – Теперь нельзя! Теперь надо ждать...

Чего?

Пока они переловят нас, как дичь?

Даже сквозь тучи песка хорошо видно мерцание защитного поля. Оно окутывает и флаер, и летунов. У них – мощный генератор. С таким – можно забить на наши бластеры. Приблизиться вплотную и вырубить нас глушаком...

– Я их отвлеку, – рука Васьки тянется к пусковому сенсору лингера. Бинк её перехватывает. Отрицательно качает головой.

Замираем с бластерами наготове. Удирать и правда поздно...

Зря не послушались Кэй-Ми.

Вспышки молний проскакивают в близком небе. Пахнет озоном. Обманутое сознание мечтает о капле дождя.

Но воды не будет. Лишь колючий песок... И озарённые сполохами десяток фигур в бронекостюмах...

Туча нас догнала. Нависла низко, почти над головами. А настоящей бури всё нет...

Странно. Правильная цепь охотников-летунов нарушилась.

Что это с ними?

Вон тот вертится волчком. Другого понесло вверх. Высоко! Уже исчез в дымке! А край-него швырнуло куда-то в сторону.

Это что, такой хитрый манёвр?

Ого... Флаер накренило.

Будто какая-то неведомая сила дёрнула его за край.

Перевернула. Закрутила. И бросила в близкую черноту тучи.

– Держитесь! – крикнул Ер-Кис.

И я с удивлением заметил, как тяжёлые камни у основания гряды начинают подниматься в воздух.

Всё затягивает мгла. Даже сквозь ночные очки мало что разглядишь. Да и некогда смотреть. Надо вжиматься в неровную скалу, цепляться за её выступы... Тебя тащит вверх. Выволакивает из-под каменного козырька. Но ты ещё держишься каким-то чудом. И задыхаясь в респираторе, единственное, что можешь различить, – песок и камешки, пролетающие у самого носа...

Глава 8

Темно и жарко. Как в парной...

Где я?

Заворочался.

Тело ныло. И что-то мешало двигаться. Даже вдохнуть глубже... Будто тьма вокруг была осязаемо плотной.

Я дёрнулся – так резко, что спина заболела.

Вместе с болью пришла ясность – нестерпимо жуткая.

Я едва не заорал...

Вместо крика получился сиплый шёпот.

Мать вашу! Я ведь ещё жив!

Отчаянно заработал негнушимися руками и ногами.

Ослепительно яркий свет брызнул в глаза.

Живой...

Разгребая горячий песок, я выбрался на поверхность. Сорвал с лица респиратор и ночники.

Всё давно утихло.

Даже следа не осталось от тучи. Солнце нещадно палило с бледно-голубого, будто выгоревшего неба.

А внизу под небом была пустыня.

Пошатываясь, как пьяный, я огляделся. Кругом – жёлтые барханы. Я – у вершины одного из них.

Едва различимая полоса где-то у горизонта – коричневые скалы Арр-Маха. Гряды, за которой мы прятались, отсюда вообще не видать. А чёрные горы – первоначальная наша цель – заметно выросли.

Далеко же меня унесло...

Я глотнул воды из фляги. Расстегнул куртку.

Жарко.

А внутри будто холодом сковало сердце.

Я – один. Больше никого...

Неужто все погибли?

Только ветер. Только пустыня. А где-то среди неё – моя крохотная фигурка. На почти безлюдной, глухой планете...

Я глянул в равнодушное небо. И крикнул, отчаянно размахивая кулаками.

Длилось это недолго.

Что-то схватило меня за левую ногу.

Я притих. А сердце будто упало в пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.